

Сергей Банцер

Жалким быть

просто

Мистический детектив

Сергей Банцер

**Жалким быть просто.
Мистический детектив**

«Издательские решения»

Банцер С. Г.

Жалким быть просто. Мистический детектив / С. Г. Банцер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934438-0

Правда ли, что бумеранги, запущенные на земном пути, обладают свойством залетать в сумеречный мир Надреальности, где подсчитываются итоги? Ведь именно там получила ответ на этот вопрос директор фирмы «Эксим ЛТД» Ирина Корсакова, после того, как в сауне оздоровительного комплекса «Сириус» был обнаружен её труп. Расследование этого дела поручено следователю Дятлову, знакомому нам по роману «Хромая удача».

ISBN 978-5-44-934438-0

© Банцер С. Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	22
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	40
Глава 11	42
Глава 12	44
Глава 13	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Жалким быть просто Мистический детектив

Сергей Георгиевич Банцер

© Сергей Георгиевич Банцер, 2018

ISBN 978-5-4493-4438-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Нас всех друг другу посылает Бог
На горе иль на радость – неизвестно...
Пока не проживем циклический срок,
Пока мы не ответим свой урок,
И не сдадим экзамен жизни честно»*

Борис Пастернак

Почему жизнь имеет своих любимчиков и пасынков? Почему земной путь первых она выстилает розами, а к ногам вторых щедрой рукой бросает тернии? И, если, кому-то из пасынков удастся найти среди этих терний свой кусочек счастья, то жизнь обязательно взъищет с него, как будто он совершил что-то постыдное.

И правда ли, что бумеранги, запущенные на земном пути, обладают свойством залетать в сумеречный мир Надреальности, где подсчитываются итоги?

Глава 1

Ваник подошёл к раскрытому окну и вдохнул полной грудью ночной воздух. Какой тёплый выдался сентябрь в этом году! Внизу ртутная лампа заливала мертвенным светом внутренний двор спортивно-оздоровительного центра «Сириус» с небольшой автомобильной стоянкой, на которой сейчас стоял один автомобиль – Audi шестой модели. Парочка, которая приехала в нём, арендовала на этот вечер в «Сириусе» сауну с бассейном и, наверное, сейчас занимается там любовью. Заодно и помыться можно. А, может, как раз в это самое время они распивают в предбаннике какое-нибудь «Шардонэ» и закусывают консервированными лобстерами, Ваник в этом особо не разбирается.

Дамочку Ваник видел вчера, когда она приезжала оплачивать аренду. Обычно это делает мужик, но вчера расплачивалась почему-то женщина, вот Ваник и запомнил. Хотя, если подумать, оно и понятно – дамочка, хоть и в шикарном прикиде была и со взглядом надменным, как у страуса, но не первой молодости. Да и из женских мест, ради которых мужики платят немалые деньги за почасовую аренду сауны, у неё практически ничего нет, что спереди, что сзади. В общем, такая долговязая сухопарая шикарная чмара, одним словом – элита.

Блаженно потянувшись, Ваник отошёл от окна и развалился в кресле. Вообще, как-то незаметно вид хомо сапиенсов разделился на два подвида – верхний и нижний. Люди по инерции продолжают считать это одним видом, но на самом деле их два – быдло и элита. Больше всего, если не считать выпить, быдло любит работать. Немного на себя, но в основном на элиту. Дети быдла, когда подрастут, тоже начнут работать на подросших детей элиты, а в перерывах пить водку, смотреть движущиеся картинки в ящике и делать новых детей, чтобы было кому работать на элиту и дальше. Время от времени этому подвиду дают возможность поорать, и они орут: «Мы не быдло, мы не козлы!» Кто за деньги, но большинство за идею. При попытках переделать всё это в лучшую сторону начинает литься кровь.

Ваник и сам совсем недавно был быдлом и радостно работал на верхний, элитарный подвид на автомобильной мойке. Так могло продолжаться вечно, но однажды Ваник очень удачно получил водопроводной трубой по голове, после чего стал менеджером в «Сириусе». Случилось это, когда какие-то отморозки украли у одного элитного мэна прямо из машины, пока тот стоял в очереди на мойку, особо ценную барсетку. Этот крутой мэн оставил барсетку на сиденье, а сам вылез из машины и стал объяснять отморозку, как пройти в библиотеку, или что-то такое подобное. Отморозок попался тупой и никак не мог понять, что ему объяснял мэн насчёт библиотеки. Ну, а напарник отморозка в это время открыл дверцу с другой стороны и украл барсетку.

В общем, погнался тогда Ваник за отморозками.

Зачем он это сделал? Интересный вопрос... Наверное, просто импульсивно. А, может, ангел-хранитель надоумил Ваника. Отморозки барсетку сбросили, а Ваника ударили трубой по голове, так, что его забрала «Скорая помощь». Ну, а тот мэн оказался директором «Сириуса». Он так обрадовался спасению своей барсетки, видно там было что-то уж очень ценное, что пришёл к Ванику в больницу и сказал, мол, такие толковые люди, как Ваник, ему нужны и взял его сюда менеджером.

Влюблённые парочки – самые лучшие посетители сауны. Ведут себя скромно, занимаются любовью тихо, как мыши. Оно и понятно – у него дома есть жена, а у неё – муж, скрытность для них главное условие безопасного секса. И «Сириус» идёт им в этом навстречу – даже прожектор, который освещает парковку, гаснет, когда влюблённые покидают сауну через чёрный ход.

Совсем не так, когда приходят братки со своими девками. Эти девки с Окружной дороги, какие они шумные!.. Визжат, как будто их кастрируют, а главное – микробы и грязь. Директор

«Сириуса» господин Серебряков обязал Ваника прочитать брошюру «Инфекции, передающиеся половым путём» и даже выучить некоторые фрагменты наизусть. На обложке брошюры был изображён силуэт голой девушки, из-за спины которой выглядывала злобная бацилла. Ваник тогда и вправду испугался, он и не подозревал, что всё так серьёзно.

Поэтому перед каждым новыми посетителями Ваник обязан менять воду в бассейне. Хорошо, хоть он небольшой, девять квадратных метров и глубиной по горло Ваннику. Чего только он не обнаруживается там, когда меняет воду! Пустые бутылки из под пива – самое безобидное. А вообще – от использованных презервативов до вставной челюсти, которую Ваник нашёл однажды на дне бассейна. Поэтому, как только братки уходят, он вызывает зондеркоманду. Приходит тётя Надя со своей дочерью Светой и они, как автомеханики на питстопе, набрасываются на помещение сауны. Каждый знает свой участок, за час нужно всё успеть. Тётя Надя орудует шваброй, Света собирает мусор и пустые бутылки, а он, Ваник, осуществляет общий менеджмент.

Эта парочка сегодня последняя, поэтому прибраться можно завтра утром, а пока можно подремать. Ваник откинулся на спинку кресла и смежил веки.

Вот интересный вопрос – а можно ли с нижнего уровня запрыгнуть на верхний? Если это возможно в принципе, то что для этого надо делать? Хорошо учиться в школе? Много работать? Это вряд ли... Вот он много работал на мойке, а получил повышение только после удара трубой по голове. Быть талантливым? Вот, скажем, как Ломоносов... Удалось же ему запрыгнуть снизу на самый верх? Но это ж надо башковитым быть, вон у Ломоносова голова какая – шестьдесят второй размер, не меньше. Не всем природа даёт такие головы, вон у Ваника всего пятьдесят восьмой, и лоб... Так себе, лобик, если присмотреться... А, может, и вообще нет честных методов осуществить такой запрыг? Вот нечестные, наверное, есть. Точно есть. Нужно только совершить какое-нибудь злодеяние, преступление и потом в результате получить то, что получают элитные дети уже прямо в роддоме. Но тут главное – совершить безнаказанно и не сделать вместо запрыга в элиту запрыг на цугундер.

В это время во дворе погас фонарь, а вслед за этим хлопнула дверца автомобиля и раздался приглушённый звук работающего мотора. Ваник выключил свет и подошёл к окну. Audi с погашенными фарами, чуть слышно урча мотором, медленно выкатилась за ворота внутреннего дворика. Опять вспыхнул фонарь, осветив уже пустую стоянку мёртвым сиреневым светом.

Ваник посмотрел на часы. Странно... Ещё почти час до окончания оплаченной аренды. Он вышел в коридор и направился по направлению к сауне. Дверь в предбанник была закрыта. Ваник осторожно нажал на ручку и просунул голову в образовавшуюся щель. Тоже странно... Обычно посетители закрываются на ключ.

Ваник кашлянул. Сначала тихо, потом громче.

– Я извиняюсь... – осторожно пробормотал Ваник, – есть тут кто?

Не услышав ответа, он вошёл в предбанник.

На кушетке, застеленной накрахмаленной простыней, лежала голая женщина. Она была похожа на странную куклу. Огромную долговязую пластмассовую куклу. Гладкий лобок усиливал это сходство до поразительного. Голова женщины была повернута в сторону так, что лицо оказалось закрытым спутанными волосами.

На непослушных ногах Ваник медленно подошёл к кушетке и осторожно потрогал женщину за плечо.

– Э... – пробормотал он охрипшим голосом и потряс за плечо сильнее, – вы чего?..

В этот момент голова куклы безвольно качнулась, и на Ваника глянули расширенные на всю радужную оболочку зрачки. Безжизненные и пустые, как две чёрные дыры.

Выйдя из предбанника, Ваник дрожащими руками достал мобильник и отыскал в списке номер Серебрякова. Свой телефон директор «Сириуса» дал ему на случай каких-либо форс-мажорных обстоятельств. Серебряков молча выслушал Ваника и сказал:

– Звони ментам. Будут спрашивать – не вздумай врать, посадят. Но отвечай только на прямо поставленные вопросы. Понял? Только на то, что будут спрашивать, никакой отсебятины, ничего лишнего! И главное, не старайся выглядеть перед ментами умным, наоборот – прикинься идиотом, они это любят.

– А за что?! – вырвалось у Ваника, – за что посадят?

– Вот, молодец, – похвалил его Серебряков, – только смотри, не перестарайся, вот так – нормально.

Глава 2

Следственно-оперативная группа прибыла в «Сириус» через тридцать пять минут после звонка Ваника. Судебный медэксперт Анзюлис был немолодым лысеющим мужчиной в роговых очках, водружённых на крючковатый нос. Слегка отвисающая нижняя губа придавала его облику брезгливое выражение, которое, впрочем, нередко встречается у подлинных профессионалов своего дела. Прямо с порога Анзюлис направился к кушетке с лежащим на ней телом и приложил два пальца к сонной артерии женщины. Затем он оттянул большим пальцем её веко и посветил в зрачок миниатюрным фонариком.

Второй мужчина, такой же немолодой, с редким пегим ёжиком на круглой голове, одетый в выдающую виды кожаную куртку и потёртые джинсы, подошёл к Анзюлису и молча остановился у него за спиной. Через некоторое время судмедэксперт повернулся к нему и, недовольно скривив тонкие губы, сказал скрипучим голосом:

– Признаки жизни отсутствуют.

Двое других мужчин были, напротив, совсем молоды.

Для оперуполномоченного Корзухина это был первый выезд в составе СОГ – следственно-оперативной группы. Вынув из папки принадлежности, он расположился за столиком и стал заполнять шапку протокола осмотра места происшествия.

Эксперт-криминалист Карпов принялся извлекать из своего саквояжа аппаратуру – фотоаппарат, бланки дактилокарт и прочий необходимый для первичной экспертизы инвентарий.

Кашлянув в кулак, мужчина в куртке начал диктовать:

– Следователь следственного отдела следственного комитета при городской прокуратуре, юрист первого класса Дятлов В. П., получив в 20 час. 30 мин. сообщение от дежурного по ГОВД об обнаружении трупа прибыл в...

Дятлов подошёл к стоящему у дверей Ванику.

– Это вы обнаружили тело? – спросил он у него.

– Да, – с трудом выдавил из себя тот, испуганно глядя на Дятлова.

– А вы кто тут вообще?

– Я Ваник.

Дятлов с интересом посмотрел на него.

– Ну, я вижу, что Ваник, а фамилия как?

– Ванников, – ответил тот, пытаясь проглотить тугой комок вот уже полчаса сдавливающий его гортань. – Я, эта... менеджер тут, ага...

– Как называется это заведение?

– Оздоровительный центр «Сириус», – с готовностью сообщил Ваник

– Пиши, прибыл в оздоровительный центр «Сириус», – продолжил диктовать Дятлов. – В состав СОГ входят судмедэксперт Анзюлис В. А. оперуполномоченный Корзухин Н. Н. и специалист эксперт-криминалист Карпов В. Д. В присутствии понятых...

Дятлов снял куртку и, повесив её на спинку стула, махнул рукой Ванику:

– Всё, оздоровительные процедуры на сегодня закончены! Позвони, чтобы перестали топить! И открой окно. Так... Дальше.

Дятлов подошёл к телу.

– На лежанке лежит тело женщины без верхней одежды. И без нижней тоже. Худощавого телосложения, длина тела, – Дятлов вопросительно посмотрел на Анзюлиса.

– 174 сантиметра, – сказал тот.

– Общий цвет кожных покровов – бледно-белый, на вид тридцать пять – сорок лет, – Дятлов подошёл к настенному термометру.

– Температура в помещении двадцать девять градусов Цельсия. Эй, менеджер, как тебя там... ты распорядился, чтобы перестали топить?

– Конечно, а как же! – преданно глядя в глаза следователю, заверил Ваник, выставив вперед ладони.

– Так, идём дальше. Голова обращена к стене, противоположной двери. Зрачковая реакция и кровоток в сонной артерии, отсутствуют. Ноги вытянуты вдоль лежанки, несколько разведены. Труп лежит на спине, лицо повёрнуто в сторону. Рот закрыт, язык находится за зубами. Телесных повреждений нет. Давай, Володя, пощёлкой, – обратился Дятлов к эксперту-криминалисту.

Карпов, взяв фотоаппарат, произвёл несколько снимков.

– Фотографирование производилось сверху методом масштабной съёмки, – продолжил диктовать Дятлов. – Зрачки аномально расширены. Какие-либо видимые повреждения на теле отсутствуют.

Дятлов обернулся и сказал:

– Ну-ка, Витольд, давай перевернём барышню.

Перевернув вместе с Анзюлисом лежащее на кушетке тело на живот, Дятлов присел на стул.

– Вот почему, Витольд, – спросил он задумчиво, оттянув ворот свитера, – жмурики всегда такие тяжёлые? Что говорит по этому поводу наука?

– Науке это неизвестно – ответил Анзюлис. – Мёртвого Сталина выносили из дачи четверо бугаёв из Конторы. Чуть не надорвались. Загадочный феномен...

– Со спины телесных повреждений не наблюдается, время наступления смерти, – Дятлов вопросительно посмотрел на медэксперта.

– Температура в прямой кишке тридцать четыре и два, – сказал Анзюлис. – Момент...

Он открыл блокнот и стал что-то подсчитывать на калькуляторе, шевеля узкими губами.

– В момент прекращения жизнедеятельности организма в нём выключается термостат, – сообщил медэксперт, оторвавшись от вычислений. – Примерно минут через пять после прекращения кровотока. Температура трупа падает по экспоненте, постоянная времени которой зависит от температуры окружающей среды. В данном случае смерть наступила около полутора часов назад. Во всяком случае, полтора часа назад у барышни в прямой кишке была нормальная температура.

Дятлов посмотрел на часы.

– Сейчас без двадцати десять, – сказал он. – Значит, пиши, – он кивнул оперу, – предположительное время наступления смерти – двадцать часов пятнадцать минут. Когда был звонок на пульт? Корзухин, узнай.

– В двадцать двадцать две, – ответил Корзухин, связавшись с кем-то по мобилке.

– Итого, – задумчиво сказал Дятлов, – смерть наступила примерно за пятнадцать минут до обнаружения тела. Зафиксируй. Витольд, – обратился он к медэксперту, – что ты можешь сказать о причине смерти?

– Ничего, – развёл руками Анзюлис. – Явных признаков, могущих послужить причиной смерти, на теле нет. Зрачки расширены... Ну, это может быть передозировка... А, может, и нет. Вскрытие покажет, подождём.

– Тебе нужно ещё что-то? – спросил Дятлов Анзюлиса.

– Нет.

– Корзухин, вызывай труповозку. Карпов, скатай пальцы. А мы двинемся дальше.

Дятлов надел на правую руку нитяную перчатку и взял за горлышко бутылку, стоящую на столе.

– На столе... – он вздохнул, как вздыхают люди, вынужденные заниматься постылой, но неизбежной работой, – стоит бутылка.

Дятлов взболтал содержимое и поднёс горлышко к носу.

– С присутствием запаха алкоголя, – сказал он, брезгливо поморщившись, – этикетка «Coronas». И ещё тут внизу написано «Torres». Нападающий такой есть – Торрес. Это не пиши. Бокал со следами губной помады и остатками жидкости красного цвета. Один. Карпов, скатай пальцы с бутылки и бокала и забирай. Только не пей, может этим и траванули дамочку, отдашь на экспертизу.

Дятлов подошёл к шкафчику с одеждой и открыл его.

– Так... Плащ замшевый. Один.

Дальше следовало перечисление разнообразных предметов женской нижней и верхней одежды, поле чего следователь извлёк из шкафчика дамскую сумку.

– Сумка дамская, на вид кожаная.

Дятлов подошёл к столику и, перевернув сумку вверх дном, вывалил на стол её содержимое. Взяв в руки золотистый картонный прямоугольник с закруглёнными краями, Дятлов углубился в его изучение.

– Эге, а барышня-то наша непростояя, – пробормотал он. – «Директор общества с ограниченной ответственностью с иностранными инвестициями «Эксим LTD» Корсакова Ирина Петровна. Корзухин, пойдёшь завтра с утра по этому адресу. Посмотришь, что там у них за ЛТД. И повестки всем вручишь. Ну, если много там менеджеров всяких, то головке вручишь, понял? Три-четыре человека из головки, для начала больше не надо.

– Понял, Виктор Павлович, – ответил Корзухин, оторвавшись от заполнения протокола.

– Ну, раз понял, тогда пиши дальше. Две упаковки красного цвета с этикеткой «Silver Fox». Что это за хрень, Витольд? Сердечки какие-то и девица в трусах, вроде как зашла в экстазе.

Медэксперт взял коробку и, поднеся к очкам, стал читать надписи.

– «Сильвер Фокс» – это женский возбудитель, – вдруг подал голос эксперт Карпов. – Моментального действия.

– Ну, да, – пробормотал Анзюлис, водя пальцем по строчкам – точно, вот... «Способствует полному расслаблению и сосредоточенности на партнёре, помогает испытывать усиленный оргазм».

– Оргазм... – задумчиво пробормотал Дятлов. – А что его испытывать? Оргазм он и есть оргазм... Сосредоточенность на партнёре... Выходит, у барышни был партнёр... Карпов, это тоже возьмишь на экспертизу. Только не пробуй! Кто знает, что будет с мужчиной, если он попробует женского возбудителя... Посмотри, кстати, в мусорном бачке. Иногда там встречаются полезные для следствия предметы.

Дятлов повернулся к Ванику, который стоял, опустив голову, у входной двери.

– Как часто вы очищаете мусорный бачок?

– Очищаем, а как же!

– Как часто? Ну, с какой периодичностью? Вы понимаете, о чём вас спрашивают?

– Перед каждым новым посетителем, – Ваник энергично закивал головой.

Карпов подошёл к пластмассовому ведёрку для мусора, стоявшему в углу, и высыпал его содержимое на подстеленную газету.

– Обёртки какие-то... – сказал он. – Кажется, как в сумке... «Сильвер Фокс», ага. Две упаковки. Вскрытые.

– Две? – наморщил лоб Дятлов. – Витольд, что скажешь? Это ж как сосредоточиться на партнёре можно, а?

– Если приняла за один раз... – раздумчиво сказал Витольд, – тогда да... Сосредоточилась. Крутая барышня...

– Водительское удостоверение, – сказал Дятлов, – взяв в руку пластиковый прямоугольник. – На имя Корсаковой Ирины Петровны. Степень соответствия фотографии на удосто-

верении обнаруженному на месте происшествия телу – хорошая. Техпаспорт на автомобиль отсутствует. Ключи. По виду похожи на ключи от квартирных замков. Дальше... Телефон мобильный. Марки iPhone 6. Карпов, глянь.

– Доступ заблокирован системой дактилоскопического контроля, – сказал Карпов, повертев в руках телефон.

– Это обходится? – спросил Дятлов.

– Трудно сказать. Нужно пробовать. Во всяком случае, в США был скандал. Когда полиция давила на фирму Apple, чтобы те разблокировали защиту в телефоне какого-то серийного убийцы что ли.

– Ну, и? Додавила?

– Эппл судилась с полицией, в общем, не разблокировали. А потом эпплы только усилили защиту. Хотя, если у нашей дамы Айфон китайский, то это обходится легко.

– А, если вот так, – усмехнулся Дятлов и, встав со стула, подошёл к лежанке.

Держа в одной руке телефон, другой он взял указательный палец правой руки трупа и приставил его к сапфировому окошечку с надписью «Home». В ответ на экране появилась красная надпись: «Password error».

– Гад, – пробормотал Дятлов.

– Нужен живой палец, – сказал Карпов. – Эппл делала официальное заявление, мёртвый палец не срабатывает.

Ваник смотрел из своего угла на происходящее с благоговейным ужасом.

– Не тратьте попыток, – сказал Карпов, – даётся всего пять попыток, после чего всё стирается. Кстати, может и дистанционно стереться, если поступит заявление от владельца.

– А что, может поступить? – удивился Дятлов.

– Да.

– Были случаи? С того света поступали от владельцев заявления о блокировке телефона? До чего техника мобильной связи достигла! Значит так, не майся дурью, Карпов, попробуй обойти пароль, не получится – возьмём санкцию и обратимся к мобильному оператору за распечатками реквизитов трафика за последний месяц.

Окончив составление протокола, Дятлов дал его подписать понятым и экспертам и подошёл к Ванику.

– У меня есть пару вопросов к вам, – сказал он. – Где мы можем поговорить?

– В дежурной комнате, тут рядом, – угодливо ответил тот.

В дежурке Дятлов расположился в кресле Ваника, а тот присел напротив него на стул.

– Вот, на, распишись здесь, – Дятлов придвинул Ванику бланк, – я предупреждаю вас, гражданин Ванников, об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Теперь ответьте на мой вопрос – с кем была Корсакова в сауне?

– Я ж не знаю, – округлил глаза Ваник в праведном недоумении, – мы подготавливаем помещение, оставляем простыни там, полотенца, ключи в дверях и уходим. Приходим, когда уже никого нет. Наши клиенты люди семейные, вы ж понимаете, анонимность это наш хлеб.

– Ладно, – перебил его Дятлов, – кто оплачивал аренду сауны?

– Вот она, Корсакова эта самая. Приходила вчера и оплатила. Ещё живой была.

– До какого времени была оплачена сауна?

– Нужно посмотреть.

– Ну, так посмотри. Или хочешь с нами поехать?

Ваник вскочил со стула и достал какой-то журнал.

– Вот, до полдесятого, – сказал он, ткнув указательным пальцем в запись в журнале.

– А вы позвонили в двадцать тридцать пять, правильно? Какого хрена вы попёрлись в сауну, когда там находилась женщина, если до конца оплаченного времени оставался почти час? Только не говорите, что подглядывать.

Ваник молча уставился на Дятлова преданным взглядом и облизнул пересохшие губы.

– Молчишь? Собирайся, поедешь с нами, – сказал Дятлов. – Тёплые вещи захвати, в камере холодно.

– Холодно? – Ваник мелко затряс головой. – Зачем? Машина уехала. Автомобиль! Я из окна дежурки видел.

– Корсакова на ней приехала?

– Да.

– С кем?

– Я не видел! Фонарь там... Автоматический. Он гаснет, когда люди входят. Или выходят. Я видел только, как машина, ну, автомобиль этот, уезжал.

Дятлов подошёл к окну и посмотрел вниз на пустую стоянку.

– Номер машины ты должен был видеть. Отсюда отлично видно, когда фонарь горит. Что скажешь, гражданин Ваник?

– Зачем он мне нужен был, номер? Ну, видел. А что я все номера должен запоминать? Приехал и приехал. Уехал и хрен с ним. Я ж не знал, что она мёртвая.

– Ну, а марка? Цвет? Тоже не помнишь? – спросил Дятлов.

– «Ауди» шестёрка. Цвет... Фиолетовый такой. У жигулей это называется цвет «банан».

– Банан?

– Да!

– Банан фиолетового цвета, да? – нахмурился Дятлов.

– Ну, а какого же? – Ваник затравленно посмотрел на следователя.

Дятлов прищурился и внимательно посмотрел Ванику в глаза.

Сколько же видел он таких глаз за те два десятка лет, на протяжении которых ему пришлось проводить вот такие допросы... В большинстве случаев люди ему вралы. Со временем он научился видеть это. Тяжелее всего врут порядочные люди. Как-то мучительно, что ли... Особенно тяжело врут порядочные мужики. Женщины от природы почти все актрисы и врут легче. В показаниях женщин всегда сквозит неподдельная искренность, и из их глаз текут слёзы, которые они вытирают кружевными платочками.

Хотя... Иногда попадаются такие, как Свиридова...

Дятлов откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

Марина Свиридова... Кажется, он будет помнить эту женщину уже до конца своих дней. «Криминальные авторитеты очень ценят таких девочек. Очень... На вес золота». Так говорил продажный бывший мент Семашко. Марина... Пусть земля будет тебе пухом...

Но сейчас опыт говорил Дятлову, что Ваник говорит правду. Он искренне считает, что банан фиолетового цвета. Странно...

– Может, ты хотел сказать цвета «баклажан»? – спросил он.

– Ну, да, «баклажан», – с удивлением сказал Ваник. – А я как сказал?

Дятлов молча посмотрел на него, потом встал и пошёл к выходу. В дверях он обернулся и спросил:

– С кем она выходила из машины – с мужчиной или с женщиной, хоть это ты видел?

– Нет, – сказал Ваник, – не видел, гражданин следователь. Я услышал звук мотора, выглянул в окно и увидел, как машина выехала со двора.

Когда Дятлов вернулся в предбанник, тела Корсаковой там уже не было. Подписав протокол, ушли и понятые.

– А где Анзюлис? – спросил он, устало садясь на стул.

– Уехал в морг, – ответил Корзухин, вертя в пальцах водительское удостоверение Корсаковой. – Там какие-то формальности нужно уладить. Эти хлопцы на труповозке сказали, что у них нет денег на бензин и хотели с меня содрать. Совсем оборзели. Между прочим, у Кор-

саковой сегодня день рождения, – добавил он, ткнув пальцем в пластиковую карточку водительского удостоверения.

– Да? – ухмыльнулся Дятлов, – ну-ка, дай. Действительно... Хм... Грустный вышел праздник у нашей барышни...

Глава 3

Самым странным был этот свет... Он был тусклым и исходил отовсюду, поэтому казалось, что купе плавает в каком-то вязком сером киселе. Но почему-то это её не удивляло. Невнятные чувства и вьющиеся, как надоедливые мухи, обрывки мыслей, которые составляли последнее время фон её жизни, вдруг куда-то исчезли, и она оказалась здесь – в этом странном купе.

А мысли... Так или иначе, все они, в конце концов, сводились к пластиковому пакетику с изображением Серебряной лисицы. Этот зверёк, запущенный в бокал красного «Cognac», сразу делал мир лучше. Как будто кто-то стирал влажной гигантской салфеткой с этого потасканного мира пыль, и он начинал сверкать яркими, как в детстве, красками.

Мужчин в этом обновлённом мире Серебряная лисица делала высокими и великодушными. Отёртые волшебной салфеткой от специфического мужского налёта, они приветливо улыбались ей и оборачивались вслед. Делая вид, что что-то там высматривают, мужчины украдкой пялились на её полные бёдра, которые так плавно покачивались при ходьбе.

Жалко только, что серебряный зверёк с этикетки всё чаще стал больно кусаться, вонзая свои острые зубки ей прямо ей в сердце.

Серый морок купе вдруг разорвала яркая, как при разряде молнии, вспышка, и в слепящем свете вокруг застыли какие-то силуэты... Это длилось всего одно мгновение, но в её мозгу успела запечатлеться резкая, как на передержанной фотографии, картинка – белые кафельные стены и незнакомые люди, которые склонились над худощавой обнажённой женщиной, лежащей на кушетке.

Этой женщиной была она...

Через мгновение видение исчезло, и всё стало, как прежде – морок-кисель, никакой боли, вообще ничего, только этот серый свет...

– Конечная остановка, – раздался откуда-то скрипучий женский голос, – всё, выходим!..

Странно...

Разве этот вагон куда-то ехал? Но не было слышно ни перестука колёс, ни лязга вагонных сцепок, ни гудков локомотива...

В купе заглянула толстая неопрятная проводница с каким-то огромным допотопным фонарём, от которого исходил такой же серый зловещий свет.

– Приехали! – прокаркала проводница и, подняв фонарь, осветила купе. – Выходим, выходим, конечная станция!..

...Она вышла из вагона на перрон и огляделась. Здания вокзала почему-то не было, а перрон сразу переходил в плоскую, как тарелка степь, над которой нависло серое беззвёздное небо. Где-то вдали, как далёкие костры, в степи светились дрожащие огоньки.

Вместе с ней из вагона вышли какие-то люди. Она немного постояла на перроне, кто знает, может её кто-нибудь встретит? Но нет. Люди сходили с перрона и молча уходили в степь. Постояв ещё немного, она тоже пошла к далёким огонькам, мерцавшим в степи.

Откуда-то она знала, что делать нужно именно так...

Глава 4

Чтобы быть начальником вовсе не нужно обладать умом, опытом, знаниями, трудолюбием и, вообще, всем тем, что обычно вставляют с помощью копипасты в свои резюме соискатели. Для этого нужны всего две вещи: подходящая внешность и лидерская харизма. Если это есть, то можно спокойно выпивать и браться с подчинёнными-мужчинами, танцевать быстрые танцы, шупать подчинённых-женщин и петь под гармошку частушки – всё будет в порядке, и авторитет такого начальника будет только расти. Ежели этого нет, то в начальники лучше не лезть. Ибо всю жизнь такой человек будет бороться со своими недостатками с помощью методик разных проходимцев, под конец получит хроническую неврастению, а, выйдя на пенсию, вскорости вообще окончит свой земной путь, так и не поняв, что это было.

Если же в силу каких-либо причин такой человек всё же становится начальником, то важнейшими для него должны стать два навыка. Первое – умение держать дистанцию. В первую очередь с подчинёнными и вообще, со всеми, кто стоит ниже его на социальной лестнице. Второе – это умение сокращать дистанцию с теми, кто стоит выше.

Директор оздоровительного комплекса «Сириус» Василий Серебряков обладал этими двумя навыками в полной мере, поэтому, когда следователь Дятлов радушным жестом предложил ему присаживаться, он сдержанно склонил голову и сказал:

– Благодарю.

– Какой тёплый сентябрь выдался в этом году, – сказал Дятлов, вешая свою куртку на спинку стула.

Серебряков бросил взгляд на потёртую коричневую кожу куртки следователя и холодно улыбнулся.

– Вот здесь, – Дятлов придвинул ему бланк, – распишитесь, что предупреждены об ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

– Разумеется, – сухо сказал Серебряков, вынимая из кармана пиджака шариковый Parker.

– Я следователь Дятлов Виктор Павлович, расследую дело о предполагаемом убийстве гражданки Корсаковой. Мне нужно знать, что за машина выехала вчера со стоянки вашего заведения около половины девятого вечера. У вас есть камеры наружного наблюдения?

– У нас частное заведение с отличной репутацией, – тонко усмехнувшись, ответил Серебряков. – Анонимность является непременным условием предоставляемых нами услуг.

– Вы не ответили на мой вопрос, так есть камеры или нет?

– Разумеется, нет, – сказал Серебряков покровительственным тоном, как будто добрый дедушка объяснял что-то несмышлёному внуку.

– Нет... – разочарованно вздохнул Дятлов, – как жаль, как жаль... Так что же делать?

– Это ваши проблемы, – ледяным голосом сказал Серебряков.

– Вы не хотите помочь следствию, – огорчённо сказал Дятлов.

– Отчего же? Отнюдь... Мы законопослушны и всегда готовы, в меру, конечно, наших сил и возможностей.

– Законопослушны? – обрадовано сказал Дятлов. – Вот здорово! Вот как раз тут с утра шляется репортёр с первого канала – Игорь Пильняк, может, слышали?

– Не имел чести.

– Скандальный тип... – Дятлов покрутил головой, – Он всё время что-то вынюхивает, вы представляете? Кстати, а как вам лучше – я сейчас позову этого Пильняка сюда и дам ему интервью для вечерних новостей, а потом он поедет в морг и за литр спирта сфотографирует убиенную в вашем заведении гражданку Корсакову. После этого в вашу баню станут ходить только маньяки-экстремалы,

Рот директора «Сириуса» стал медленно открываться.

– Или вам больше подходит второй вариант, – дружелюбно улыбнулся Дятлов, – я сейчас позвоню Корзухину, чтобы он нашёл камеры наблюдения? Ну, тогда, если Коля найдёт камеры, я буду вынужден возбудить против вас уголовное дело по статье за дачу заведомо ложных показаний. Я забыл сказать – наш разговор может быть записан на магнитофон. С целью улучшения качества проведения следствия.

Серебряков уже сидел с отвисшей нижней челюстью и непонимающе смотрел на Дятлова.

– А кто такой Корзухин? – наконец хрипло спросил он.

– А... – махнул рукой Дятлов, – вы его не знаете. Какая вам разница? Будете ему мешать, он начнёт стрелять.

– Мне нужно срочно позвонить, – вдруг сказал Серебряков, встав со стула, – разрешите?

– Конечно, нет, – радушно разведя руки, сказал Дятлов. – Это запрещено законом. Да и в этом нет необходимости, Корзухин всё равно уже там, ждёт моего звонка. Если вы позвоните и начнёте демонтировать камеры, он начнёт стрелять, я же сказал.

– А почему... почему вы так уверены, – Серебряков вынул из кармана белоснежный платок и промокнул им вспотевший лоб, – что, ну... эти камеры есть?

– Уверен? – удивился Дятлов. – С чего вы взяли, что это является предметом моей веры? Я это просто знаю.

– Откуда?!

– Ну, у нас свои каналы... Вы вот эту кнопку видите? – Дятлов отодвинулся и показал на чёрную кнопку за его спиной.

– Да, – сказал Серебряков, затравленно уставясь на кнопку.

– Ну вот. Вы же культурный человек, видно, что с высшим образованием. Что вы заканчивали?

– МАУП, – пробормотал Серебряков, не в силах оторвать взгляд от зловещей кнопки.

– Межрегиональная академия управления персоналом? Это бывший торговый техникум на Совских прудах, что ли?

– Да.

– Всё, не хотите, не надо, – Дятлов вынул мобильный телефон. – Коля? Ты там?

– Не надо! – Серебряков вскочил со стула, – не надо звонить Коле! Я дам вам запись. За какое время? За какой период?

– Сейчас ты поедешь в свою баню, – сказал Дятлов, – пока понятно или записать нужно?

– Сейчас, – Серебряков вынул Parker и вопросительно уставился на Дятлова.

– Пиши – поедешь в баню, записал? Найдёшь там Корзухина. Успеваешь? Он знает, что нужно искать. Захочешь его обмануть – он будет стрелять. Успел записать?

– * —

После обеда в кабинет Дятлова постучался оперуполномоченный Корзухин.

– Разрешите, Виктор Павлович? – спросил он.

– Присаживайся, Корзухин, рассказывай, – сказал Дятлов.

– С утра я был в «Эксиме», небольшой такой офис, но уютный, из двух комнат. В одной что-то типа приёмной, компьютеры там, столы письменные, а во второй стоит здоровенный диван.

– Как они отреагировали на смерть Корсаковой?

– Вроде неожиданно для всех это было. Но, похоже, никто особо не расстроился. Хотя все изо всех сил делали вид, что для них это большое горе. Кажется, эту Корсакову там никто особо не любил.

– Много людей там околачивается?

– Да нет. Постоянно в офисе работают только четыре человека. Ну, теперь три. Эта Корсакова была директором фирмы. Одинокая. Её заместитель – мужик лет сорока пяти, – Корзухин достал блокнот и открыл его, – Фрумкин Борис Григорьевич.

– Еврей? – спросил Дятлов.

– Наверное... – Корзухин пожал плечами, – носатый такой, чернявый, глаза блеклые какие-то. И бегают, когда его спрашиваешь о чём-то. Мутный тип.

– Тоже одинокий?

– Нет, женат.

– Кто ещё?

– До вчерашнего дня в офисе находилось рабочее место Корсаковой. Я сказал пока его не трогать, может нужно будет там что. Ещё там постоянно тусуются два человека – секретарша Антонюк и менеджер, он же личный водитель Корсаковой, Топольский. Остальные сотрудники работают на других точках и в офисе бывают редко. Секретарша девка видная, лет двадцать пять, может больше, накрашена, не разберёшь. Топольский смазливый такой мужичок, холостой. Корпоративчик у них там вчера после работы был. По случаю дня рождения Корсаковой. Вручил повестки всем троим. Они все трое, Фрумкин, Топольский и Антонюк упоминают о каком-то конфликте на этом корпоративе. Или, как они сказали, стычке.

– Что за стычка? Между кем и кем?

– Между Корсаковой и Антонюк.

– Стычка между директором и секретаршей? – ухмыльнулся Дятлов. – Действительно грустный праздник... Выпили немножко девушки и мужика не поделили? Антонюк эта замужем?

– Типа замужем... – неуверенно сказал Корзухин. – Когда я спросил – есть ли муж, она ответила: «муж объелся груш». Непростая девица. Окончила матмех университета с красным дипломом.

– Двое мальчиков и двое девочек в одном офисе... – Дятлов покачал головой. – И все детородного возраста. Если учесть ещё диван в другой комнате – гремучая смесь. Ну, и что дальше было?

– После конфликта Вика сразу ушла, – сказал Корзухин.

– Вика – это секретарша?

– Да, Антонюк. Потом Топольский спросил Корсакову, нужен ли он ей ещё, она ответила, что нет, и он тоже ушёл.

– Значит, под конец Корсакова осталась наедине с Фрумкиным? – спросил Дятлов.

– Фрумкин говорит, что он тоже ушёл. Сразу после Топольского.

– Алиби с восьми до девяти вечера проверял у них?

– Проверял. Топольский утверждает, что шестичасовой электричкой поехал к себе на дачу и пробыл там до сегодняшнего утра.

– Соседи могут это подтвердить?

– Да, на даче он выпивал с соседом. Тот его на жареные грибы пригласил. Вика говорит, что пошла к подруге и была у неё примерно до половины восьмого, а потом пошла домой. Подруга и мать подруги Вики могут это подтвердить.

– Значит, минут за сорок до убийства Корсаковой пошла от подруги домой, так?

– Так.

– Хорошо. Ну, а Фрумкин этот, куда он пошёл? Домой? – спросил Дятлов.

– Нет. Фрумкин сказал, что временно живёт в съёмной квартире. Вот туда и пошёл, посмотрел телевизор и лёг спать.

– Ага, значит алиби у него тоже нет? – спросил Дятлов.

– Выходит, нет, – Корзухин развёл руками. – У одного Топольского, получается, более менее надёжное алиби. Хотя нужно с тем соседом поговорить. Я завтра съезжу, если вы не против.

– Поезжай. Только не ешь грибов. Были случаи... – Дятлов неопределённо покрутил ладонью у головы. – Ну, а в «Сириусе» был? Что там интересного? Серебрякова видел?

– После офиса я перекусил и поехал в «Сириус». Зашёл к Серебрякову. Напуганный он какой-то... Что вы ему сказали?

– Что, если он будет мешать следствию, то ты будешь стрелять, – сказал Дятлов.

– А... А я-то думаю, чего он всё время на меня пялился. Всё под куртку пытался заглянуть. Сразу дал мне записи с видеокамер. Кто там приехал на машине и уехал – действительно не видно, фонарь гаснет. Только смутные силуэты, даже не видно – мужчина или женщина. Приехало два силуэта, уехал – один.

– А номер?

– Номер хорошо виден. Я пробил по базе. Фиолетовое авто Audi 6 принадлежит Корсаковой.

– А где это авто сейчас? – спросил Дятлов.

Корзухин озадаченно посмотрел на него, как будто только сейчас задумался над этим вопросом.

– Не знаю.

– Хорошо, я свяжусь с ДПСниками, объявим в розыск, – сказал Дятлов. – Значит, что имеем в сухом остатке... Вчера, в восемнадцать вечера все разошлись. В девятнадцать два силуэта приехали в баню. Примерно через час один силуэт, принадлежащий Корсаковой, приказал долго жить, а второй смылся на «Ауди» в неизвестном направлении. Пока всё?

– Всё, – ответил Корзухин. – Ну, я пошёл?

– Иди. И будь внимателен, Коля.

– * —

В конце рабочего дня, когда Дятлов уже стал собираться домой, позвонил Анзюлис.

– Виктор, есть предварительные результаты по делу Корсаковой, – сказал он. – Можете зайти ко мне и ознакомиться.

Когда Дятлов зашёл в кабинет Анзюлиса, тот молча указал ему на кресло и стал перебирать какие-то бумаги в папке.

– Вот, – он протянул Дятлову заполненный бланк с сиреновой печатью. – Дактилоскопическая экспертиза и протокол вскрытия. Отпечатки пальцев на бокале и бутылке принадлежат Корсаковой. Других отпечатков нет. Дальше. У Корсаковой были проблемы с сердцем. Сауна при таком сердце вообще противопоказана. А, если ещё плюс алкоголь и секс – это вообще уже становится опасным для жизни.

– Это могло послужить причиной смерти? – спросил Дятлов.

– Могло. Но там было интереснее, – Анзюлис пожевал губами и замолчал.

Дятлов вздохнул. Ох, уж эти медэксперты, без понтов не могут...

– Ну, и?! – Дятлов изобразил на лице крайнюю степень заинтересованности.

– Результаты экспертизы содержимого бутылки показали, что там всё чисто. Кроме какого-то испанского вина, в ней ничего нет, – продолжал накручивать интригу Анзюлис. – А вот в остатках этого же вина в бокале, из которого пила Корсакова, а это видно по отпечаткам губной помады на материале бокала, кое-что обнаружено. Растворённый в вине порошок из упаковки «Сильвер Фокс»! – Анзюлис победно посмотрел на Дятлова.

– Ну... – Дятлов пожал плечами, – а что удивительного? Ну, принесла с собой упаковку возбудителя, ну, сыпанула себе в бокал незаметно, как там написано – «для полного сосредоточения на партнёре».

– Вы правы, ничего удивительного, – махнул рукой Анзюлис. – Но! Кроме возбудителя в остатках вина обнаружен растворённый в ней кокаин! Наркотическое вещество группы стимуляторов. Причём в концентрации, которая вполне могла привести в комплексе с причинами, о которых я уже говорил, к смерти Корсаковой. Точнее говоря – я бы очень удивился, если бы смерть не наступила.

– Вот как... – задумчиво пробормотал Дятлов. – Передоз...

– Я бы не стал упрощать, – сказал Анзюлис. – Комплекс. Несколько причин, которые наложились в этом случае друг на друга. Сауна, плюс возбудитель, плюс половой акт, наличие которого подтвердила экспертиза, алкоголь и, наконец, кокаин. Крутой коктейль... Для Корсаковой он оказался смертельным.

– Подождите, Витольд... Я не понимаю... Кокаин же нюхают? Или я ошибаюсь?

– Абсолютно верно, нюхают. Но! – Анзюлис прищурился и пристально посмотрел на Дятлова. – От этого повреждается при длительном употреблении перегородка в носу. Мы посмотрели. Перегородка Корсаковой целая. Это отражено в протоколе вскрытия.

– Значит, не нюхала? А зачем-то растворяла в вине?

– Или сыпанул кто-то, – ухмыльнулся Анзюлис. – Сколько угодно таких случаев, что потом не поймёшь – случайный передоз, суицид или подсыпал кто-то. Везде полно милых людей, которые любят убивать друг дружку из-за денег...

– Я хочу спросить ещё, Витольд, вот вы сказали – был половой акт...

– Несомненно, – Анзюлис небрежно махнул рукой.

– Вы извините, конечно... – осторожно сказал Дятлов, – я давно в следствии и знаю, как это делается. Ну, не сам акт, а экспертиза. Ну, и акт тоже. Поэтому я хочу спросить – в каких пределах, ну, какой предположительный временной интервал, плюс-минус – когда этот акт был у Корсаковой?

– Анализ осуществляется путём взятия пробы из влагалища, – не отказал себе в удовольствии сообщить подробности Анзюлис. – Сперма сохраняется там до трёх суток. Поэтому точнее сказать мы не можем. Может коитус имел место в тот самый вечер, а, может, и два дня назад.

– Какая интересная у вас работа, – пробормотал Дятлов. – У меня бабушка работала крановщицей. На козловом десятитонном кране. Проработала до шестидесяти пяти лет. Она даже не спускалась с него в обед, перекусывала там. А летом брала с собой две бутылки воды. Одну минералку, а вторую чтобы поливать ею металлические рычаги. Они сильно нагревались на солнце, так, что нельзя было прикоснуться. Бабушка говорила, что безумно любит свою работу. Так и говорила – «безумно». Но, чтобы я стал крановщиком на козловом кране, она не хотела. Сколько я её просил взять меня хоть раз на кран... Мне тогда было лет семь, и это была моя мечта – побывать в кабине того крана.

– Представьте себе моя работа интересная, – сказал Анзюлис. – Ко всему этому скоро привыкаешь. Ну, конечно, если нет природного отторжения. Кстати, у большинства людей это отторжение есть. Но это проявляется уже в мединституте. У медиков есть такая хохма – все врачи делятся на четыре группы. Первые знают всё, но не умеют ничего. Это терапевты. Вторые – не знают ничего, но умеют всё. Это хирурги. Третьи не знают ничего и не умеют ничего. Это психиатры. А вот четвёртые... Четвёртые знают всё и умеют всё. Это патологоанатомы. Но люди к ним попадают слишком поздно...

Глава 5

Она прошла под этим беззвёздным небом, нависшим над чёрной степью, уже довольно большое расстояние, но усталости не чувствовалось. Клубящийся серый свет постепенно стал приобретать неясные очертания, похожие на гигантские деревья, а через некоторое время она обнаружила, что идёт по густой роще. Небо как-то незаметно посветлело, и сквозь кроны, уже не сотканые из серого света-киселя, а ярко зелёные, заструились солнечные лучи.

И вдруг она ощутила, что может летать... Вот прямо сейчас может оторваться от земли и полететь! Стоит только сильно захотеть...

...Она летела над густыми кронами, по которым порывы ветра перекачивали зелёные волны, летела совсем низко, так, что до этих волн можно было дотронуться рукой. Она была счастлива. Так нестерпимо счастлива, что это не могло продолжаться долго.

Она открыла глаза...

...Маленькая комната со стоящей в углу кроватью была залита утренними лучами солнца, которые отражались в стеклянной вазочке и разбрасывали по стенам дрожащие брызги солнечных зайчиков. На кровати, спустив босые ноги на пол, сидела девочка и протирала кулачками заспанные глаза. Из-под задравшейся ночнушки выглядывали её острые коленки.

– А ну, вставай, соня! – войдя в комнату, scomандовала высокая худоцавая женщина.

– Мама... Я только что летала... Так низко, прямо над деревьями...

Женщина присела на кровать рядом с девочкой и прижала её голову к своей груди.

– Это ты растёшь, Ирка...

– Мама, эти кроны... Представляешь, по ним гуляли волны, совсем как тогда, в Одессе! Когда мы были с папой на море, помнишь?

– Помню, помню. Ну-ка вставай! В садик опоздаем! И мне нужно бежать.

– Мама... А почему ты плачешь?

– Что ты мелешь? Прямо, плачу... Ещё чего. Соринка в глаз попала... Ерунда какая.

Женщина схватила девочку за руки и стащила с кровати.

– Ну-ка, Ирка, подпевай!

*Пьём за яростных, за непохожих,
За презревших грошевой уют*

Девочка, отчаянно фальшивя, подхватила тонким голоском:

*Вьётся по ветру Весёлый Роджер,
Люди Флинта песенку поют!*

Как хорошо! Как тут хорошо! Вот бы остаться здесь навсегда, просыпаться утром и смотреть на эти солнечные зайчики на стенах, делать с мамой зарядку под песенку о людях Флинта...

Но нужно идти.

Дальше в эту чёрную беззвёздную степь, где на горизонте мерцают светлячками новые костры. Откуда-то она знала, что нужно идти к следующему костру...

Глава 6

Внешний облик начальника следственного отдела городской прокуратуры удивительно соответствовал его фамилии. Если бы Николай Водянов был актёром театра юного зрителя, то все роли водяных и прочих потусторонних обитателей водоёмов были бы его. Причём, без особого участия гримёра и даже режиссёра.

– Что там по делу Корсаковой? – спросил Водянов, устремив болотного цвета глаза на сидящего напротив его Дятлова.

– Корсакова Ирина Петровна, тридцати восьми лет, директор фирмы «Эксим ЛТД». Позавчера, примерно в семь вечера она приехала на собственном автомобиле в оздоровительный центр «Сириус» вместе с пока неустановленным лицом. Примерно через час после этого дежурный менеджер «Сириуса» заметил, как автомобиль Корсаковой выезжает со стоянки. Так как до окончания времени оплаченной аренды оставалось ещё около часа, менеджер решил проверить обстановку в сауне. Ну, и обнаружил труп. Первичная медэкспертиза внешних признаков насильственной смерти не обнаружила. Позже лабораторная экспертиза обнаружила в остатках вина в бокале Корсаковой наличие препарата «Сильвер фокс», применяющегося для усиления женского либидо, и кокаина. Концентрация наркотика была такова, что в совокупности с остальными факторами – алкоголем, препаратом «Сильвер фокс», сауной и состоянием здоровья Корсаковой, всё это вполне могло стать причиной летального исхода. Как обычно в таких случаях мы рассматриваем три версии – случайная передозировка, суицид или умышленное отравление.

– С какими вероятностями? – спросил Водянов.

– В таких случаях обычно трудно отдать предпочтение какой-либо версии. Поэтому вероятности примерно одинаковые.

– Почему одинаковые? Кокаин разве разбавляют в вине? Все нормальные люди его нюхают. При этом разрушается носовая перегородка. Смотрели?

– Да. В заключении экспертизы сказано, что носовая перегородка целая, – сказал Дятлов.

– Ну, вот, видите! Значит, не нюхала. Это раз. Дальше – в сауне она же была не одна. Этот её... партнёр смылся, да? На её машине. Кстати, а где эта машина сейчас?

– Пока не нашли. В ГАИ оформлен наш запрос на задержание, – сказал Дятлов. – И почему «партнёр»? Может и партнёрша.

– С партнёршей принимать препарат для повышения женского либидо? – спросил Водянов.

– А почему нет? – Дятлов пожал плечами.

– Хорошо, что там ещё по экспертизе? – спросил Водянов.

– Половой акт был.

– Ну, так вот! А вы говорите «партнёрша». Что – между двумя дамочками состоялся половой акт? Тоже скажете – «а почему нет»?

– Он мог быть раньше, с мужчиной, их методика даёт разброс, примерно двое суток.

– Вот видите! – укоризненно сказал Водянов. – Кроме этого... Эта Корсакова была директором успешной фирмы. Это сам по себе фактор риска. Возможно, она была ещё и одним из конечных бенефициаров – это ещё больше усиливает версию насильственной смерти.

Дятлов вздохнул.

Ишь, как распелся Водянов. Странно только он дело поворачивает – в сторону версии насильственной смерти. Обычно начальники делают наоборот.

Водянов молчал, опустив голову и упёршись подбородком в сцепленные пальцы.

– Всё это было предисловием, – вдруг сказал он, внимательно рассматривая крышку собственного стола. – Прембулой. Вообще я хотел с вами поговорить немного о другом. Мы

с вами одногодки, Дятлов. И оба начинали операми в райотделе. С тех пор минуло уже много лет. Очень много лет... Скоро нам обоим на пенсию. Только я выйду с должности начальника отдела горпрокуратуры, а вы – с должности обычного следователя. Поэтому вы должны были задавать себе этот вопрос – почему я сделал карьеру, а вы нет? Не знаю, как отвечаете на этот вопрос вы, но я сейчас скажу правильный ответ. Кстати, меня вовсе не задевает тот факт, что вы, возможно, более талантливый следователь, чем я. Знаете почему? Потому что я обладаю более весомым преимуществом – я командный игрок. А вы нет. В этом всё дело. Это ваша ахиллесова пята, Дятлов. Времена Шерлока Холмса давно прошли. Также, как и времена мушкетёров её величества королевы Франции. Эти книжки сейчас уже никто не читает. Мало крови, нет гомосексуалистов и педофилов. Там нет расчленения трупов. Нет серийных маньяков. Даже элементарной торговли органами – тоже нет. Захудалого вампира, питающегося кровью девственниц, которыми кишат сейчас литературные форумы – и то нет! Вместо этого какая-то дедукция... Кого сейчас интересуют эта ерунда?

Склонив голову набок, Водянов некоторое время рассматривал Дятлова, а потом продолжил.

– Честно говоря, я вообще удивляюсь, как вы проработали столько лет в Системе... То, что вы не человек Системы, я понял ещё тогда, когда вы арестовали доллары в еврейском автобусе. Все от тех долларов тогда отказались. И сами евреи, и та девка из автобусной фирмы, которая набила этими купюрами свои трусы, так, что стала похожа на Мэрилин Монро вместе с Софи Лорен. Вы помните, что вы сделали с этими деньгами?

– Сдал по описи в финчасть, – пожал плечами Дятлов. – Как учили на лекциях в университете.

– На лекциях в университете... А ведь старшие товарищи давали вам дельные советы.

Водянов укоризненно посмотрел на Дятлова и тяжело вздохнул.

– А ведь вашей биографии есть белые пятна, – скрипучим голосом сказал он. – Есть. Ночное ДТП недалеко от Южного моста... Когда вы попали в больницу. В эту же ночь на этом мосту в результате бандитской разборки погибли ваш бывший подследственный, кажется, Волков, да? И его жена. Красивая девка была... Жалко.

– Зачем вам это? – глухим голосом спросил Дятлов.

– Да так... Просто вспомнил.

Дятлов едва заметно усмехнулся. Видно нужно что-то Водянову от него. Вжик-вжик с одной стороны – «Вы, Дятлов, талантливый следователь», вжик-вжик с другой – «Вы, Дятлов, лох по жизни». Опять вжик напильничком – «Вы честный человек», и с другой стороны вжик – шпалетесь вы, Дятлов, по ночам на Южном мосту, где бандитские разборки с двумя смертельными огнестрелами. Вот так вжик-вжик – и готова фигурка для игры в командные шахматы. В таких шахматах можно двигать не только свои фигуры, а и приспособлять к своим нуждам фигуры противника. Кстати, окончательная огранка впереди, сейчас, вероятно, Водянов будет предлагать ему какие-то деньги.

– Поэтому я хочу вам кое-что предложить, – сказал Водянов вкрадчиво.

Дятлов склонил голову набок и наморщил лоб, придав таким образом своей физиономии выражение корректного внимания.

– Эта Корсакова перед смертью застраховала свою жизнь на кругленькую сумму, – сказал Водянов. – Вчера вечером у меня был представитель «Новы». Это страховая компания, одна из самых крупных в городе. Дело в том, что в договоре с Корсаковой оговорено, что страховой случай наступает только, если смерть будет естественной. То есть, ненасильственной. Это строго оговорено. Если будут представлены весомые доказательства того, что смерть была насильственной, страховой случай не наступает, и деньги не выплачиваются.

– А кому должна выплачиваться страховка? – спросил Дятлов.

– Это всё есть в договоре. Наследнику. Одному из наследников.

– Она оставила завещание?

– Да. В «Нове» осведомлены об этом, – сказал Водянов. – Вскрытие завещания состоится послезавтра в частной нотариальной конторе.

– Ну, а мы тут причём?

– В договоре оговорено, что факт наступления страхового случая должен определяться выводами следствия. Это строго оговорено. А следователь вы. Этот тип из «Новы» сказал, что их компания выделила премию, в случае, если будет доказано насильственный характер смерти Корсаковой. – Водянов выпрямился и задумчиво потёр ладонью череп. – Короче, если вы доказываете, что смерть насильственная, то две третьих ваши. Естественно, неофициально. Эту сторону я беру на себя. Хватит, чтобы фарфоровые импланты вставить. Со своей стороны помогу, чем смогу. Мы договорились?

– Я могу подумать? – спросил Дятлов.

– Разумеется. Только недолго. Я абсолютно уверен, что смерть Корсаковой насильственная. Кто-то, кто приехал с ней в сауну, сыпанул вместе с этим конским... э... дамским возбуждателем в бокал с вином гашиша... э... кокаина и повёл дамочку париться. И не в сауну, а в русскую парную, с веничком. Проверьте, в этих оздоровительных центрах и то и то всегда есть. И не просто париться, а с элементами эротики. Потом, когда у дамочки от всего этого счастья отказало сердце, этот тип тихо смылся на её машине. Обеспечил себе где-то алиби, потом бросил машину в какой-нибудь подворотне, а утром пришёл на работу. В этот, как его... ЛТД ихний.

– * —

Через несколько минут после того, как Дятлов вернулся от Водянова, в дверь его кабинета постучали.

– Можно? – спросил вошедший мужчина.

– Вы кто? – спросил Дятлов, снимая куртку и усаживаясь в кресло.

– Я Топольский, – сообщил мужчина. – По делу Корсаковой. Вот повестка.

Дятлов посмотрел на него. Мужичок лет тридцати пяти. Короткая спортивная стрижка, смазливая физиономия. Мадам Корсакова явно нанимала его под свои нужды.

– Заходите. Присаживайтесь. Я следователь Дятлов Виктор Павлович. Вот там распишитесь, об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Отнеситесь к своим показаниям максимально серьёзно. Любая сознательная ложь будет означать, что вы покрываете возможного убийцу. Вам понятно то, что я только что сказал?

– Ну, конечно, – ответил Топольский. – Мы все в шоке... Ирина Петровна... Такой человек...

– Какой человек? – прищурился Дятлов.

– Хороший, – Топольский опустил глаза.

– На фирме вы работали менеджером?

– До вчерашнего дня, – расстроено вздохнул Топольский. – Водителем, экспедитором, в общем, менеджером по общим вопросам.

– А что произошло вчера?

– Меня уволили.

– Фрумкин уволил? – спросил Дятлов.

– Ага, – кивнул Топольский. – Вызвал в кабинет и сказал я, мол, в ваших услугах больше не нуждаюсь. Чуть не лопнул от удовольствия.

– Вы возили только Корсакову или Фрумкина тоже? – спросил Дятлов.

– Только Корсакову. Ну, когда она сама не садились за руль.

– Хорошо, – сказал Дятлов. – А сейчас расскажите подробно, где вы были позавчера, сразу после окончания рабочего дня. Скажем, начиная с семнадцати часов.

– После работы мы праздновали день рождения Ирины Петровны, – сказал Топольский. – Я уже говорил вашему человеку вчера. Выпили, потанцевали. Ну, я не пил, думал, ещё, может, придётся Ирину Петровну отвезить куда-нибудь.

– Мы – это кто? Кто там был?

– Я, Фрумкин, Ирина Петровна и Вика.

– Вика – это Антонюк? Секретарша?

– Ага.

– Корсакова тоже танцевала?

– Да.

– С кем?

– Да ни с кем. Это ж быстрые танцы, современные. Стоят все в кругу и дёргаются, кто во что горазд, – сказал Топольский.

– А Фрумкин? Тоже дёргался?

– Нет. Я его вообще ни разу не видел танцующим. Ага... Он никогда не танцует. Даже на своём дне рождения сидит, как на похоронах.

– Вы ничего не заметили странного, – Дятлов прищурился, – в поведении Корсаковой в тот вечер? Постарайтесь вспомнить. Она была весёлой, грустной?

– Весёлой?.. Вроде весёлая. Но как-то... – Топольский замолчал, не в силах подобрать нужное слово.

– Ненатурально? – подсказал Дятлов.

– Ненатурально?.. Да нет... Как-то вымученно. Но это видно, если только присмотреться. А странного... Как вы думаете, если за вечер ставить пять раз подряд одну и ту же песню? Подряд, понимаете? Вот кончается, и она ставит снова.

– Какую песню? – спросил Дятлов. – Вы помните какую?

– Ну, вот эту, известную, старую, – Топольский наморщил лоб, – её ещё негритянка поёт. С Долиной вместе.

– Негритянка? С Долиной? Глория Гейнор? «I will survive»?

– Ну, да, ага, – закивал Топольский, – задолбала всех. И лицо такое сделалось... У!.. Не подходи!

– И вы... что же... Пять раз подряд танцевали под эту песню?

– Да нет, я что ненормальный? Фрумкин вообще сидел на диване всё время.

– А кто же танцевал?

– Ирина Павловна с Викой.

– Что всё время? Пять раз подряд?

– Ага. Та тоже со странностями.

– Вчера вы говорили о каком-то конфликте, – сказал Дятлов, – расскажите подробнее.

– Ну... – Топольский наморщил лоб, припоминая, – примерно через час, может больше, мы решили пить чай. С тортом. Торт со свечками, ну, как на день рождения. Вика пошла ставить чайник в соседнюю комнату. А до этого туда вышла Ирина Петровна, кажется, ей позвонили. Вот. Потом вдруг оттуда раздался шум, ну, сначала как будто мебель двигали, а потом типа посуда металлическая загремела, как будто на пол упала. А потом опять мебель задвигали как бы...

– Ну, так что там было? Вы видели?

– Нет, там дверь была закрыта, я ничего не видел.

– И не открыли посмотреть?

– Нет, – Топольский посмотрел на Дятлова честными глазами. – Меньше знаешь, крепче спишь.

- А вы крепко спите?
- Да, – Топольский пожал плечами, – пока не жалуюсь.
- И что же этот Фрумкин, он тоже не заглянул?
- Почему? Зашёл. Потом сразу вышел.
- Ну, а что дальше? Я что, должен вытаскивать из вас слова? Вы можете членораздельно всё рассказать? Или вам нужно подумать? Вам предоставить такую возможность? – А? – Топольский непонимающе посмотрел на Дятлова. – Подумать? Зачем?
- Что было дальше?
- Дальше Фрумкин вышел из той комнаты и сел на диван. А потом стал раскачиваться из стороны в сторону.
- Как еврей на молитве? – прищурился Дятлов.
- Чего? Еврей?
- Не отвлекайтесь. Фрумкин что-то говорил при этом? Или молча раскачивался?
- Говорил. Бормотал так тихо.
- Что бормотал?
- Не знаю. Я не слышал.
- Вот как? Хорошо, я спрашиваю вас последний раз – что там случилось?
- Я, правда, не видел, – сказал Топольский, – хотя... а что там могло быть? Ясно что. Топольский замолчал, рассматривая рисунок пола у себя под ногами.
- Я жду, – ледяным голосом сказал Дятлов.
- Ну, эта Вика... Она, когда ставит чайник, то всегда так наклоняется... понимаете, чайник стоит на полу, и она не приседает, а наклоняется к нему.
- Топольский вздохнул.
- Ну и что? Наклоняется и что такого? – спросил Дятлов.
- Наклоняется так, на прямых ногах... Но не всегда, а только тогда, когда... Фрумкин... эта... стоит сзади. Вот. И там, видно по привычке за чайником так наклонилась. А Ирине Петровне это не понравилось. Но я ж не видел... Вы спросите у Фрумкина, он заглядывал туда.
- Хорошо, спрошу, – кивнул Дятлов, – дальше что было?
- Вика потом сразу ушла. Даже к нам не заходила. А Ирина Петровна вернулась. Взъерошенная такая вся.
- А раньше между ними были конфликты?
- Топольский снова тяжело вздохнул.
- Да вы не стесняйтесь, – сказал Дятлов, – у нас тут как на приёме у врача, никто не стесняется. А кто стесняется, тот потом об этом сожалеет. И чем скорее всё рассказывают, тем лучше потом для всех. Так бывало такое раньше?
- Ну... Вообще-то да, – выдавил из себя Топольский.
- Почему же Корсакова не уволила эту Вику?
- А я знаю? Хотя... она бы с удовольствием. Давно бы уволила. Но, думаю, Фрумкин не давал.
- Понятно, – сказал Дятлов. – Значит, у Антонюк и Корсаковой были неприязненные отношения, правильно?
- Ага, – сказал Топольский. – Корсакова называла её секретуткой.
- А почему же они танцевали вместе?
- Потому что со странностями... Обе.
- Ну, хорошо, – сказал Дятлов. – А куда вы пошли потом?
- Я спросил Ирину Петровну, нужен ли я ещё. Она ответила, что нет, и я на электричке уехал на дачу.
- Значит, вы ушли, Антонюк ушла, а она осталась вдвоём с Фрумкиным?
- Да, – кивнул Топольский.

- Во сколько электричка ушла с вокзала?
- В шесть вечера. С чем-то.
- Кто-то видел вас на даче?
- Конечно, да хотя бы мой сосед. Мы посидели с ним, по сто грамм навернули.
- А у вас случайно билет на электричку не сохранился?
- Может и есть, – порывшись в карманах, Топольский протянул Дятлову смятый билет. –

Вот, кажется это он.

Дятлов взял билет и, внимательно изучив его, положил в папку. Немного помолчав, он спросил:

- Когда вы бывали за рулём автомобиля Корсаковой, техпаспорт находился у вас?
- Ну, да, – ответил Топольский. – Когда я заканчивал работу, я возвращал его Ирине Павловне.

– Вы тогда, когда ушли из офиса после корпоратива, отдали техпаспорт Корсаковой?
– Конечно, – сказал Топольский, – я всегда так делаю.
– При осмотре места происшествия техпаспорта среди вещей Корсаковой не было. Как вы можете это объяснить? Куда он делся?

- А я знаю? Понятия не имею, – Топольский развёл руками.

– Я вам сейчас задам ещё один вопрос, – сказал Дятлов. – В каких отношениях были Фрумкин и Корсакова? – В каких? – недоуменно переспросил Топольский. – Ну, она директор, он её зам.

– Это формальные отношения. Меня интересуют неформальные. Вы понимаете, о чём я вас спрашиваю? Кто фактически был первым номером в делах фирмы – Фрумкин или Корсакова?

Топольский некоторое время молчал, глядя перед собой.

- Я думаю, Корсакова, – наконец неохотно ответил он.

– Она фактически руководила фирмой?

– Сложно сказать. С самого своего основания фирма работала под чьей-то крышей. Ну, вы понимаете. Тогда все так работали, время такое было. Что за крыша – вот этого я точно не знаю, я ж тогда ещё там не работал. Но потом кое-кого видел, они приходили в офис. Все дела с ними решала Корсакова. Фрумкин вообще в этом не участвовал.

- Корсакова жила одна в своей квартире?

– Да.

- У Фрумкина есть жена?

– Ну, да, есть.

– Фрумкин оставался ночевать у Корсаковой? Вы когда-нибудь возили их обоих вечером к ней домой?

Топольский молча кивнул.

Глава 7

В фильмах и детективных романах оперуполномоченный обычно гоняется по крышам за преступниками, вступает с ними в рукопашное единоборство, а, когда те открывают по нему огонь, он умело уворачивается от пуль.

На самом деле такой оперативник долго не протянет, да и чтобы ввязываться в рукопашную с уголовниками, он должен перед этим, как минимум, потерять где-то свой табельный пистолет. В реальной же жизни самый эффективный инструмент в руках опера это обычный стукач или в официальной терминологии – внештатник. Каждый опытный оперативник к концу своей карьеры имеет потрёпанный блокнот, где записаны контакты его внештатников, которых он вербовал на протяжении всей своей службы. Для того чтобы попасть в такой блокнот, будущий стукач должен иметь определённые проблемы с уголовным кодексом. Не настолько большие, чтобы менты заинтересовались им всерьёз, но и не столь маленькие, чтобы расценивать свою свободу, как осознанную необходимость.

Другой персонаж уголовного процесса – следователь, в реальной жизни тоже мало похож на киношного. Герой криминального сериала – вдумчивый интеллеktуал, мозг которого, подобно стальному капкану с лязгом фиксирует разрозненные с виду причинно-следственные связи. Эти связи в дальнейшем служат основанием для стройных и внутренне непротиворечивых версий. Чёткая память, способность к аналитическому мышлению и логика, конечно, важные инструменты в руках хорошего следователя. Но талантливый следователь должен обязательно обладать ещё одним свойством, которое приходит с опытом, да и то, далеко не ко всем. Это интуиция.

Почти все люди, которые проходят перед взором следователя за время его службы, ему врут. Поэтому следователь со стажем без труда умеет различать таких людей. Он их определяет по мельчайшим идеомоторным реакциям на некоторые вопросы. Почти все эти реакции, минуя сознание, фиксируются следователем на подсознательном уровне. Это мимолётные задержки в ответах, подрагивание губ, кончиков пальцев, ну, и, конечно, глаза. Кстати, вопреки распространённому мнению, мужчины тут более уязвимы, чем женщины.

Ум следователя, равно, как и его логика, в этом процессе не помощники. А вот натренированное подсознание справляется с этой задачей запросто. Это удивительно напоминает игру на музыкальном инструменте. Пианист никогда не задумывается, на какую клавишу ему нажимать, потому что скорость нажатия этих клавиш в виртуозной пьесе в сотни раз превышает возможности мозга. Зато подсознание, куда загнана последовательность нажатий клавиш, отдаёт команды непосредственно пальцам, обеспечивая нужную скорость.

Виктор Павлович Дятлов был хорошим следователем, поэтому, когда за Топольским закрылась дверь, он не сомневался, что к нему нужно присмотреться повнимательнее. Для начала к его алиби.

Вообще, если следствие сравнивать с шахматной партией, то пока в этом уголовном деле имел место дебют. В знаменитой лекции «Плодотворная дебютная идея», имевшей место в клубе «Картонажник», утверждалось, что дебют это *quasi una fantasia*. Но на самом деле никакой фантазии в дебюте нет. Идёт сбор первичных данных, фиксация круга причастных лиц, установление предварительных алиби и прочие рутинные процедуры.

Но вот дебют кончается и следователь задумывается над вопросом: «*cui prodest*» – кому выгодно? И тут чаще всего в качестве первопричины выступают деньги. Немного реже – месть, власть и ревность. Как ни странно, многие тяжкие преступления вообще не имеют причины. Кто-то кого-то по пьяному делу пырнул кухонным ножом или выстрелил из дробовика. Особо не маскируясь, просто давая выход звериной неосознанной энергии, которая заставляет акулу со вспоротым брюхом пожирать собственные внутренности. Ну, и маньяки. С этим труднее

всего, потому что древнеримский принцип «куи продэст» тут не действует, а маскироваться маньяки умеют не хуже нормальных людей.

И всё же, на первом месте деньги. Даже здоровье, вопреки расхожей поговорке, можно частично купить за деньги. Не говоря уже о красоте и внешних признаках молодости. И даже обветшавшую душу можно омолодить, окружив себя с помощью денег особями противоположного пола, брызжащими неукротимыми энергиями юности.

И остаётся только одна вещь, которую нельзя купить за деньги. Это любовь женщины. «Can't Buy Me Love» – нельзя купить любовь, как утверждал в своей песне купавшийся по горлышко в женской любви Пол Маккартни. Хотя слова, как водится, написал Леннон, которому женская любовь заливала уже и ноздри и глаза. «Can't Buy Me Love»... В русской транскрипции – «Кинь бабе лом».

Дятлов подошёл к выходящему во двор прокуратуры окну, и распахнул створку. Такого тёплого сентября, как в этом году, не было уже давно. Внизу на скамейке сидел какой-то длинноволосый парень с ретро-магнитолой в руках и, опустив голову, слушал песню. Станный парень... Кто сейчас слушает такие магнитолы? Все в наушниках. «Бум-бум, бум-бум, бум-бум-бум...» – нейрофанк. Вот и всё, что надо мозгам. Замысловатый ритм «Take Five» Дэйва Брубeka всего за каких-то полвека эволюционировал в это вырожденное «бум-бум», которое идёт по проводам, один конец которых подсоединён к мобилке, а второй воткнут прямо в мозг.

А песня внизу странная...

Дятлов прислушался. Красивая, грустная на пределе и одновременно вроде бы чуждая, совсем чужая его слуху. Какие-нибудь англосаксы, вроде Deep Purple или Рика Вэйкмана, куда ближе.

*Осень, тэпла як вэсна,
Доси льнэ з нашого вiкна
Нам дае надiю...*

Да, осень бывает тёплой, как весна. Вот как сейчас эта осень за окном его кабинета. Нам дае надiю...

...Та осень была большая мастерица дарить надежду. Расщедрилась тогда на полную катушку. У Марины в сумочке лежал алмаз, который старый Ботвинник оценил в шестьсот тысяч долларов. Эта надежда была такой большой, что её хватило бы с лихвой до конца жизни. Но вышло так, что жизни этой у Саши и Марины осталось совсем мало.

«But the dream was too much for you to hold»

Волковой как-то сказал, что когда он поднимет в воздух свою собственную «Сессну» над тропическим лесом, то включит именно эту песню – «Over and over». Это была его мечта. Его с Мариной мечта.

«But the dream was too much for you to hold»

«Но мечта была слишком большой, чтобы ты могла удержать её» – так пел Фрэнк Синатра из колонок одинокого кафе в том прозрачном осеннем лесопарке за сутки до смерти Саши и Марины.

Вместо встречи на берегу оазиса Порто Алешандри, когда необыкновенной красоты женщина с девочкой на руках высматривала в небе «Сессну» своего мужа, та осень подарила им совсем другое. Расплывающееся чёрное пятно на свитере Марины и её искажённое мукой лицо,

на котором вдруг на мгновение мелькнула улыбка. Наверное, он никогда уже не сможет забыть этого...¹

*Осінь тпла, як весна,
Просить так немов
З останніх сил вона:
Не вбивайте мрію!..*

Дятлов закрыл окно, чтобы не слышать этой царапающей душу песни.

Как говорил Воробьянинов – «этот май-баловник...» А у него сентябрь-баловник...
Опять предлагает ему деньги.

¹ Роман Сергея Банцера «Хромая удача»

Глава 8

Корсакова шла размашистым шагом по чёрной степи, сосредоточенно глядя прямо перед собой. Мужчины и женщины, которые сошли с ней на перроне конечной станции, шли точно так же, молча, как будто влекомые какой-то скрытой целью. С тех пор, как они покинули перрон, эти люди понемногу разбрелись по сторонам, и сейчас Корсакова видела только их неясные, теряющиеся в клубящемся сером свете силуэты.

Почему она не осталась там? В той комнате, где на столике у изголовья её кровати стояла стеклянная вазочка, в которой отражалось утреннее солнце? Где они делали с мамой зарядку под песенку о людях Флинта?

Корсакова попыталась оглянуться.

Но странно... Ноги продолжали размеренно отмерять шаги, и её голова даже не повернулась. Она попыталась обернуться ещё раз. Не то, чтобы ей что-то мешало – тело просто не слушалось. Как будто это было уже не её тело, а бездушный механизм, упрямо выпшагивающий к какой-то, только ему известной цели...

Она приблизилась к костру. Это был обычный с виду костёр, горящий среди ночной степи. Корсакова присела, протянув руки к огню, но не почувствовала жара. Она поднесла ладони ближе, так, что языки пламени уже стали лизать её руки, но тоже ничего не ощутила.

Вдруг в этот момент она увидела призрачный силуэт, внезапно появившийся из темноты. Это была высокая худощавая женщина, удивительно похожая на её мать. Женщина присела к костру и стала молча смотреть на огонь.

Почему она ушла оттуда?.. Может быть, эта странная женщина знает ответ на этот вопрос?

«Зачем я ушла оттуда? Я опять ошиблась?» – спросила Корсакова женщину.

«Ошиблась? – женщина искоса посмотрела на неё, – нет. Конечно, нет. Здесь никто не ошибается».

Её голос тоже был странно похож на голос матери.

«Почему?» – спросила Корсакова.

«Потому что ошибиться можно только тогда, когда есть выбор».

«Здесь нет выбора?»

«Нет. Это там, – женщина махнула рукой, – там был выбор и поэтому были ошибки. Но вместе с ошибками была возможность и что-то исправить. Заплатить за ошибки и исправить. Таковы правила».

«Разве я не платила? Или эта плата показалась недостаточной?»

«Этого я не знаю».

«А здесь? Разве я не могла остаться здесь, с мамой, и... и прожить жизнь сначала? Ведь теперь я знаю, как её прожить! Я многое поняла... Очень многое! Счастливо прожить! Совсем не так, как её прожила я! Совсем не так!»

«Счастливо? – усмехнулась женщина, – ты теперь знаешь, что это такое?»

«Да! Ведь там тоже были счастливые дни. Просто я их не замечала»

«Обычное дело, – женщина пожала плечами. – Ты хотела большего. Сказка о рыбаке и рыбке. Хотя, причём там рыбак? Или рыбка? Это сказка о женщине. Пересказ третьей главы Книги Бытия. Лукавый нащёптывает: „Жди, это пока ещё не счастье. Хе, хе... Жди. Оно будет. Потом. Когда-нибудь потом. Не сейчас. Хе, хе...“ Люди любят верить ему и не замечают своего счастья. Юности, здоровья, свободы... И только когда теряют эти три вещи, понимают – а ведь это и было счастье. Самое настоящее! А лукавый довольно сучит копытцами».

«Так что... уже ничего нельзя изменить?»

«Изменить? – женщина вздохнула. – Конечно, нет. Здесь уже нельзя»

«И нет даже надежды?»

«Нет. Уже нет. Это только там... Когда уже ничего не оставалось была надежда. Но зато и ошибиться тут уже тоже нельзя. Многим это понравилось бы. Без надежды, но и без ошибок».

«Ты сказала „там“... Это где?»

«Там, откуда приехал твой поезд».

«Ты... Ты была со мной в поезде?»

«Конечно – тихо ответила женщина, продолжая смотреть на холодные языки пламени, – И не только в поезде».

«Кто ты?»

«А ты не догадываешься?»

«Ты... – голос Корсаковой задрожал, и её горло сдавил спазм. – Ты... моя мама?»

Женщина медленно покачала головой.

«Нет».

«А кто?»

«Я твой ангел-хранитель».

«Так ты... Ты была со мной всю жизнь?»

«Почти. С тех пор, как твоя мать принесла тебя в храм, и над тобой были произнесены слова: „Крещается раба Божия Арина во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь“. С тех пор я с тобой рядом».

«Так почему... Почему же ты не помогла мне тогда, ну... тогда, когда я была в сауне?»

Женщина не ответила, молча глядя на призрачные языки пламени костра, освещавшие её лицо.

«Почему ты молчишь?»

«Подожди ещё немного. Контрольная написана, звонок прозвенел. Проверяются тетради, и совсем скоро ты узнаешь свою оценку».

«Ты ангел, – тихо сказала Корсакова, – значит... есть Бог?»

Взгляд женщины стал вдруг пронзительным, как будто внутри её глаз загорелось жгучее пламя.

«Тебе для этого нужно было обязательно увидеть ангела? – спросила она. – Мира вокруг тебя было мало? Мир, кипящий энергией – откуда эта энергия взялась? Людской разум, который сделал этот мир лживым, несправедливым, жестоким, катящимся к своему концу – откуда он, этот разум взялся? Лукавый вам нашептал: „Всё взялось из ничего“. И вы подхватили: „Из ничего, из ничего!“ А, чтобы закрепить свою веру, лукавый сделал из математики „игру в бисер“, и научил этой игре наиболее талантливых людей, которым потом раздал нобелевские премии. И люди от этого поверили ему ещё сильнее»

Две женщины, странно похожие друг на друга, сидели у призрачного костра, горевшего в степи под беззвёздным небом, и молчали.

Потом Корсакова тихо спросила:

«А сколько ещё ты будешь со мной?»

«Нисколько. Здесь уже не нужны ангелы-хранители»

«Не нужны? Почему?»

«Потому, что тут уже не опасно. Там, где нет свободного выбора, уже не опасно».

«Тогда зачем ты тут?»

«Зачем?.. Наверное чтобы попрощаться. Я привыкла к тебе за эти годы. А тебе нужно идти дальше».

Женщина поднялась. Сделав несколько шагов, она вдруг обернулась и сказала:

«Помнишь, когда тебя предал близкий тебе человек? Тогда тебе казалось, что мир хочет тебя добить, и сопротивляться этому не имеет смысла? Я тогда подсказала тебе – обратись к тому, кто никогда не предаст, кто всегда, понимаешь, всегда, при любых обстоятельствах даст

прибежище, а, значит, и надежду! На кого можно уповать, и это будет питать твою надежду до самого конца! Ты помнишь, что ты сказала тогда?»

«Помню... – прошептала Корсакова. – Мне было больно... И я сказала...

«ДЕНЬГИ... ЭТО ЕДИНСТВЕННЫЕ ДРУЗЬЯ, КОТОРЫЕ ТЕБЯ НИКОГДА НЕ ПРЕДАДУТ».

Глава 9

Дверь кабинета Дятлова приоткрылась, и в образовавшемся проёме показалась голова оперуполномоченного Корзухина.

– Разрешите, Виктор Павлович?

– Проходи, Корзухин, присаживайся. Рассказывай.

– Вчера я проверил алиби Топольского. Его действительно видели в Мироновке соседи по даче, но только около девяти вечера. Раньше его не видел никто. Ну, из соседей никто. У Топольского был билет на электричку, которая отходит от пригородного вокзала в восемнадцать пятнадцать. В Мироновке она была примерно в семь вечера. Выходит, перед тем, как засветиться у соседа в девять вечера, Топольский где-то был около двух часов.

– Это ничего не значит, – сказал Дятлов, – он скажет, что приехал на дачу и лёг спать. А потом проснулся в девять вечера и пошёл выпивать к соседу. И всё сойдётся. Что ещё у тебя? Телефон с пальцем Корсаковой разблокировали?

– Нет, – покачал головой Корзухин. – Карпов носил его куда-то, типа к хакерам каким-то, но пока ничего не удаётся. Вчера я был в офисе Лайфсел, это мобильный оператор телефона Корсаковой. Ну, предъявил санкцию прокурора на получение распечатки трафика за восемнадцатое сентября. Но там набежали какие-то юристы, двое пацанчиков в галстуках, с бэйджиками я, аж, обалдел. Гавкучие такие, наглые... И корректные. Тьфу!

– Перепроизводство потому что этих офисных пацанчиков, – пробормотал Дятлов. – Поэтому и в галстуках. Поэтому и гавкучие.

– Короче – отказали тебе?

– Да, – вздохнул Корзухин. – Сказали: «Нужно заявление о согласии на обработку личных данных от каждого фигуранта». Ну, и ещё кучу бумаг. А потом решения суда ждать полгода.

– Хорошо, я это улажу. У тебя всё?

– Пока всё, – сказал Корзухин. – Я могу идти?

– Погоди.

Дятлов посмотрел на Корзухина. Способный парень. И с головой. Пока честный. Но и не таких Система ломала. Кстати, Водянов ждёт ответа. Надо будет зайти к нему. Ведь ответ готов.

– Послушай, Николай, – обратился он к Корзухину, – ты внештатником уже обзавёлся?

– Нет, – Корзухин пожал плечами, – я ж только недавно...

– Это плохо. Опер без внештатника всё равно, что брачная ночь без невесты. Ты к этому... Ванику из «Сириуса» присмотришь. Хороший внештатник из парня выйдет, уж поверь мне. Сам тебе спасибо скажет и будет рад на кого-нибудь стучать, нужно только тактично подсказать – на кого. Мы, пока следствие ведём, вот ты и присмотришь к Ванику. Блокнотик себе заведи для внештатников.

– Так я завёл уже, но он же... это... – Корзухин развёл руками, – ну, не замарался нигде?

– Знаешь такого – дедушка Мичурин? – улыбнулся Дятлов. – Вот он как говорил? «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их – наша задача!» Ты ж, конечно, по молодости «Неуловимых мстителей» не смотрел?

– Ну, что-то слышал, про бандитов кино... Старое.

– Да, так вот, там один бандит, ну, бывший поп, говорит: «Все мы немощны, ибо человецы». Нет греха только, если нет человека. А, раз Ваник есть и он человек – то что-то за ним водится. Нужно только присмотреться и за руку поймать. Там в коридоре кто-то ко мне есть?

– Ага, – кивнул Корзухин, – Фрумкин сидит с повесткой.

– Давай его сюда.

— * —

– Я Фрумкин, – надтреснутым голосом сказал долговязый мужчина лет пятидесяти, входя в кабинет. – По повестке.

Дятлов окинул взглядом вошедшего. Первое впечатление о незнакомом человеке, вопреки расхожему мнению, часто оказывается ложным. Недаром говорят «встречают по одежке, провожают по уму». Более того, человек, который с самого начала знакомства располагает к себе, всегда сразу настораживал Дятлова. За годы службы он убедился, что, как правило, таким свойством обладают профессиональные аферисты, в лучшем случае – люди, у которых кроме умения расположить к себе собеседника, ничего большего за душой нет. Встречал он и другое – бедно одетые посетители со скромно опущенными глазами, часто оказывались достойными людьми. Ну, а глаза, точнее, взгляд – тут есть две крайности. Либо человек смотрит честно и открыто прямо в глаза собеседнику, либо прячет взгляд, глядя куда-то в сторону. Оба этих крайних случая тоже присущи жуликам и людям, желающим как-то оградить свой внутренний мир. И в том, и в другом случаях это является маской – либо гримасой честной открытости, либо простой непрозрачной завесой.

Замдиректора фирмы «Эксим ЛТД» Борис Фрумкин внешностью более всего походил на жениха с известной картины «Неравный брак». Чуть сплюснутый с боков череп, покрытый редкими пегими волосами, надменный взгляд узко посаженных глаз, вялые веки и тонкие бескровные губы. Всё, как на том самом полотне.

И всё же первое впечатление иногда приносит пользу. Поэтому Дятлов ещё раз посмотрел на Фрумкина. Кажется, не любят тебя, Фрумкин, бабы. Хоть ты и замдиректора, и господин, и, даже возможно, умный. Наверное, потому, что сидит в бабах до сих пор тот самый инстинкт их первобытной праматери, когда ещё ни денег, ни особого ума не было даже в виде понятий. С тех пор на этот женский инстинкт наслоилося множество других инстинктов, в основном, социальных. Конечно, многие женщины тебя, Фрумкин, наверное уважают и замуж пошли бы за тебя с радостью. Но вот полюбить... Это вряд ли... Потому что за это малопонятное дело у баб отвечает тот самый инстинкт древней праматери. И ты, Фрумкин, со всеми своими деньгами, это чувствуешь. Хоть и упрятано это на самом дне твоей души.

– Я должен задать вам несколько вопросов, – сказал Дятлов после того, как Фрумкин расписался в бланке об ответственности за дачу ложных показаний. – Я веду дело об убийстве гражданки Корсаковой, а вы, кажется, последний человек из сотрудников вашей фирмы, который видел её живой.

– А почему вы думаете, что это убийство? – насторожился Фрумкин.

– Я так думаю потому, что у меня имеются для этого определённые основания, – сказал Дятлов, – о которых мы обязательно поговорим позже. Сейчас вы должны просто ответить на ряд моих вопросов. Расскажите, где вы были позавчера, начиная с семнадцати часов.

– Ну, после работы мы отмечали день рождения Ирины Петровны, – сказал Фрумкин. – Покойной Ирины Петровны. Потом я пошёл домой.

– Вас кто-то видел? – спросил Дятлов. – Жена может это подтвердить? Может, ещё кто? Соседи?

– Я сейчас снимаю квартиру, – ответил Фрумкин. – Ну, временно не живу с женой. Нет, меня никто не видел. Я пришёл домой, посмотрел какой-то сериал и лёг спать.

– Какой сериал?

– Я не помню.

– По какой программе?

– Программе? Нет... Я смотрел по интернету. А названий я не запоминаю. Что-то про балет. Там одну балерину изнасиловали. Сын крупного начальника изнасиловал. Ей потом предлагали в качестве компенсации танцевать все заглавные партии в их театре.

– Ну и что? Она согласилась?

– Я не помню, заснул. А компьютер сам выключился.

– Хорошо, – сказал Дятлов. – В каких отношениях вы находились с Корсаковой?

– Ну, она директор фирмы, а я был заместителем.

– Кто является учредителями фирмы? – спросил Дятлов.

Фрумкин пожал костлявыми плечами и неуверенно ответил:

– Это внутренняя информация, понимаете, я не имею права её разглашать.

– Значит в районной администрации, где вы регистрировали учредительный договор, её знают, нотариус знает, а мне, следователю прокуратуры, расследующему убийство, знать нельзя, да? – с обидой сказал Дятлов. – Ну, хорошо, не хотите, не надо. Я пошлю официальный прокурорский запрос в райадминистрацию, а заодно в налоговую и банк.

– Зачем в банк?.. И причём тут налоговая?

– Не знаю, – Дятлов пожал плечами, – а куда нужно посылать запрос?

– Никуда, – неуверенно пробормотал Фрумкин.

– А, если мне интересно, сколько денег на счету «Эксим ЛТД»? Кто подписывал платёжки, через кого вы обналачивались, кто конечные бенефициарии и много чего другого? Вы ж не хотите говорить? Значит, я пошлю запросы. На бланках городской прокуратуры. Если вы считаете, что в райадминистрацию посылать не надо, хорошо, я пошлю запросы вашим контрагентам. Вернее вызову их сюда. По выпискам банка посмотрю, с кем вы сотрудничали, и вызову. После этого от вас будут шарахаться не только контрагенты, а и бродячие собаки на улице.

– Зачем вы мне угрожаете? – Фрумкин поднял на Дятлова взгляд снулой рыбы.

– Я? Вовсе нет! Наоборот, я сейчас даю вам возможность предоставить следствию необходимую информацию. Пока даю, вы понимаете? А, когда начну угрожать, э... Тогда уже поздно будет. С этим учредительным договором вы вообще ведёте себя глупо, Как-то по-детски. Что вы хотите скрыть? Ведь через пару дней у меня на столе будут лежать официальные ответы и банковские распечатки. Вы, вообще, представляете себе возможности следователя, ведущего дело об убийстве? Нет? Вы понимаете, что я прямо сейчас могу заблокировать на неопределённое время счёт «Эксима» в банке? Что я могу взять с вас подписку о невыезде? Что я прямо сейчас могу определить вам меру пресечения в виде помещения в ИВС на семьдесят два часа? И всё это будет строго в рамках действующего законодательства. А представляете себе, что может сделать ещё следователь прокуратуры, но уже вне этих рамок?

– Хорошо, – тихо сказал Фрумкин. – Учредителей двое. Я и Корсакова.

– В каком соотношении в учредительных документах предусмотрено распределение полученной прибыли?

Фрумкин молча смотрел себе под ноги.

– Ну, что вы опять застеснялись? – спросил Дятлов. – Прямо, как доцент кафедры научного коммунизма на приёме у венеролога.

– Соотношение пятьдесят на пятьдесят, – ответил Фрумкин трескучим голосом.

– Кто конечные бенефициарии?

– Я и Корсакова. Ну, были... Очевидно, теперь учредительный договор будет пересмотрен. Если объявятся наследники.

– То есть, как я понимаю, в этом случае разделение на директора и его зама были понятия чисто условные?

– В каком-то смысле да...

– Корсакова был одинока? – спросил Дятлов. – У неё не было никаких родственников?

– Нет, не было, – Фрумкин покачал головой.

– Значит в случае отсутствия прямых наследников и отсутствия правопреемников в завещании Корсаковой, или же отсутствия самого завещания вы автоматически становитесь единственным конечным бенефициарием?

– Ну... – пробормотал Фрумкин, пожав плечами.

– Постарайтесь понять, Фрумкин, то, что я сейчас скажу. Убит человек. В остатках вина в бокале обнаружен кокаин в концентрации, которая могла оказаться смертельной. Таково заключение судебно-медицинской экспертизы. Второго бокала нет. Вино в бутылке чистое.

– Она могла насыпать его туда сама, – сказал Фрумкин.

– Могла, конечно. Но кокаин не сыплют в вино. Его нюхают. От этого частично разрушается носовая перегородка, даже от непродолжительного приёма наркотика. У Корсаковой она целая. Абсолютно целая – понимаете? Кстати, вы видели хоть раз Корсакову раньше под действием наркотиков?

– Нет... – неуверенно сказал Фрумкин.

– Ну, хорошо, – Дятлов махнул рукой, – понимаете, вы последний из известных мне людей, кто видел Корсакову живой. А в сауне вместе с ней был, по крайней мере, ещё один человек, мужчина или женщина, я пока не знаю этого. Но этого человека видели выезжающим на машине Корсаковой со двора «Сириуса» сразу после убийства. Через несколько минут после убийства. Вполне возможно, что это были вы. Вы водите машину?

– Я?! В каком смысле – вожу?

– Следите за своей речью, Фрумкин. Если вы будете впредь употреблять такие фигуры речи, я буду считать, что вы умышленно отказываетесь сотрудничать со следствием.

– Машину? Ну, да... Что за чепуха... – Фрумкин потряс головой, – я был с ней в сауне?! Она могла встретиться после корпоратива с кем угодно и пойти туда.

– С кем? – спросил Дятлов. – С кем она могла встретиться? Вы знаете этого человека? Это мужчина или женщина?

– Нет, откуда? Я не знаю...

– У Корсаковой были друзья? Подруги? С кем бы она могла пойти в сауну в свой день рождения? Вы знаете хоть одного такого человека?

– Возможно, и были... – неуверенно сказал Фрумкин, – но... раньше.

– Кто? Имя?

– У Ирины был мужчина... Это было несколько лет назад. Там было серьёзно... вроде. К свадьбе дело шло. Да, они хотели официально пожениться. Но потом...

– Имя этого мужчины?

– Славик. А фамилия... – Фрумкин потёр ладонью лоб. – Сейчас... Воропаев?.. Я не помню, правда.

– Возраст? Опишите этого Славика.

– Около тридцати пяти, среднего роста, крепкий на вид, кажется, волосы светлые.

– Что произошло потом?

Фрумкин опустил голову и задумался.

– Это был период... – наконец сказал он, – мы с Ириной провели ряд удачных сделок, ну, и получили деньги. Это были первые крупные деньги фирмы.

– Ваши с Корсаковой деньги, да? – уточнил Дятлов.

– Да.

– Это были рискованные сделки? Под банковский кредит?

– Да.

– Славик знал о деньгах Корсаковой?

– А почему нет? Она тогда первую машину себе купила. Славик разъезжал на ней.

– Этот Славик, – спросил Дятлов, – где он работал?

– Насколько я понимаю, нигде. Околачивался тут у нас. Мешал только всем. Но Ирина тогда в нём души не чаяла, всё хотела его к делу приспособить. А потом...

Фрумкин тяжело вздохнул и замолчал.

– Что было потом? – спросил Дятлов.

– Ну... Если вам так интересно... Потом у Ирины был нервный срыв. Сильнейшая депрессия. Она практически прекратила интересоваться делами фирмы, я работал один. Я вообще боялся... Ну, как бы она... И так было до тех пор, пока... Пока однажды к ней домой не пришли... рэкет. В общем, бандиты. Пришли за деньгами. Откуда-то была наводка.

– Кто тогда работал в офисе?

– Я, Ирина и секретарша, Антонюк. Топольского ещё не было. Ну, и Славик знал, Ирина тогда от него ничего не скрывала.

– И что произошло тогда дома у Корсаковой?

– Точно знаю. Знаю только, что избили её. Искали деньги.

– Нашли?

– Не знаю, – Фрумкин пожал плечами. – Ирина со мной не делилась этим.

– Она что... не заявляла об этом никуда? – спросил Дятлов.

– Нет. Она была необычная женщина. А после этого она изменилась. От депрессии не осталось и следа. Она стала... как бы это сказать... ну, как одержимая. Как бешеная. Она провела ряд сделок, не советуясь со мной... Очень сомнительных сделок и очень рискованных. Удивительно, но ей повезло, эти сделки принесли ей деньги.

– А что за драка была на корпоративе между Антонюк и Корсаковой?

– Драка? – Фрумкин удивлённо пожал плечами. – Какая драка?

– Вы опять решили поиграть со мной в терминологию? В вашем положении шансы выиграть могут быть только в том случае, если вы существенно умнее меня. У вас сложилось такое впечатление?

Фрумкин недоумённо посмотрел на Дятлова и несколько раз подряд моргнул.

– Ну, там... было недоразумение... Но я ничего не видел.

– Хорошо, – сказал Дятлов, положив ладонь на пустую папку. – В очередной раз постарайтесь понять, то, что я сейчас вам скажу. У меня есть показания сотрудников вашей фирмы. То, что вы сейчас скажете, очень важно. В первую очередь для вас, поскольку вы предупреждены мной об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Итак, что там было?

– Я видел не всё, – растерянно сказал Фрумкин. – Когда я заглянул, то Вика, ну... Антонюк, стояла на полу на четвереньках. А перед ней валялся чайник. Как бы, эта... с вытекшей водой. И стол был сдвинут, да... В сторону. Стул валялся ещё. А чайник лежал на полу. От него шёл пар. Поднимался пар с пола.

– Как Вика оказалась на полу?

– А что тут непонятного? – вдруг воскликнул Фрумкин в отчаянье. – Эта Антонюк задницу свою всегда выставляет, ну, когда за чайником или чем там другим наклоняется. Это у неё уже привычка такая. Вот Ирина, наверное, и пнула её... Не попасть было трудно. А Вика упала от пинка на четвереньки. И чайник выпустила. Хорошо ещё, что не обварилась. В этот момент я как раз вошёл.

– Чем пнула? – спросил Дятлов.

– Откуда я знаю?! – Фрумкин впервые посмотрел Дятлову прямо в глаза. – Вот не видел! Понимаете? Не видел! А чем можно пнуть? Ногой, а чем ещё? Я уже говорил, что Ирина Петровна после той истории, ну, когда рэкет к ней пришёл, она вообще как бешенная стала. Этого козла приняла на работу.

– Фамилия?

– Кого? – Фрумкин непонимающе уставился на Дятлова.

– Козла.

– Козла? А... Ну, Топольский, кто же ещё? Ирину тянуло на таких мужчин.

– Каких?

– Младше её, крепких и чтобы был ниже её ростом, когда она на высоких каблуках.

– Славик был такой, да?

– Ну, да. А потом Топольский.

– А Корсакова что, любила ходить на высоких каблуках?

– Да. Почти всегда.

– Насколько я помню... – сказал Дятлов, – в протоколе осмотра места происшествия говорится, что она была ростом сто семьдесят четыре сантиметра. Плюс каблуки – она что, выше вас всех в офисе была?

– Да. Ей видно так нравилось.

– Но... Мужчине, это ж... ну, не всякому понравится такое?

– Она плевать на это хотела, – сказал Фрумкин. – А скажите, Фрумкин, вот эта потасовка с Антонюк, раньше что-то подобное было? – спросил Дятлов.

– Да... – уныло пробормотал Фрумкин. – Вике доставалось... Ирина оскорбляла её при любой возможности. Кроме как «секретутка» её не называла.

– Хорошо, а почему эта Вика в таком случае не уволилась?

Фрумкин тяжело вздохнул и задвигал под столом ногами. Дятлов понял, что попал в болевую точку Фрумкина.

– Ну... зарплата у неё была хорошая. На такую зарплату сейчас трудно найти работу в офисе.

– И премиальные, да?

– Чего премиальные?

– Опять не понимаете? Ну, бонусы, какая разница. Которые ей лично вы приплачивали. Так, что Корсакова и не знала.

Ноги Фрумкина снова пришли в произвольное движение.

– Да не волнуйтесь вы так, я никому не скажу, – миролюбиво сказал Дятлов.

– Это вам Топольский сказал? – подрагивающие губы Фрумкина растянулись в ухмылке.

– Какая разница? – удивился Дятлов, – разве в этом главное?

– А что? Что главное? В чём?

– Главное лежит здесь, – Дятлов с каменным лицом вновь похлопал по пустой папке.

– Вы верите Топольскому... Этому подонку...

– Борис Григорьевич, – мягко сказал Дятлов, – вы правда хотите сотрудничать со следствием?

– Ну, да! А что?

– Тогда я сейчас задам вам ещё один вопрос, но попрошу, когда будете отвечать, смотрите мне в глаза. Вас это не затруднит?

– Хорошо, спрашивайте, – Фрумкин пожал плечами.

– Вы бывали раньше с Корсаковой в сауне? Вдвоём?

Фрумкин захлопал белесыми ресницами и ответил:

– Нет.

Его ноги под столом, на которые смотрел в этот момент Дятлов, снова пришли в хаотическое движение.

Глава 10

Когда за Фрумкиным закрылась дверь, Дятлов откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Сейчас нужно просто посидеть вот так, ни о чём не думая, и подождать, пока новый фрагмент пазла встанет на предназначенное для него место. Как правило, на первом этапе следствия такие фрагменты легко выстраиваются в общую мозаику. В дальнейшем новые, а иногда и старые кусочки пазла образуют острые углы, выпирают из общей картины, и первоначальная мозаика часто рассыпается на отдельные фрагменты. Вот в этот самый момент дебют и переходит в миттельшпиль – самую трудоёмкую часть следствия. Приходится вновь подбирать комбинации элементов распавшейся мозаики, переосмысливать имеющиеся факты, добывать новые, и всё это для того, чтобы в результате получилось то, что составляет конечную цель миттельшпиля – Непротиворечивая Версия.

Впрочем, это только Шерлок Холмс мог себе позволить сколь угодно долго разыгрывать миттельшпиль. Во-первых, потому что он имел сильный аналитический ум, Во-вторых, потому что он не имел начальника, и поэтому был, по сути, обыкновенным любителем. Оба этих свойства практически не присущи реальным следователям. Поэтому многие из них сводят миттельшпиль к забиванию молотком выступающих углов пазла с последующей зачисткой их напильником и переходят сразу после дебюта к эндшпилю. А кое-кто вообще не играет в шахматы, а предпочитает подкидного дурака или сразу «Чапаева» – щёлк, и противник сбит метким ударом. Только со временем такой человек вдруг с удивлением замечает, что и его судьба тоже стала играть с ним в «Чапаева».

В эндшпилье на первый план выходит признание обвиняемого – «царица доказательств». Так говаривал академик Вышинский, сам большой любитель игры в «Чапаева». Свой личный дебют он разыграл как сокамерник скромного грузинского парня по кличке Коба, а в миттельшпилье судьбы стал генпрокурором СССР. Его эндшпиль пришёлся на Нью-Йорк, где официальный представитель СССР при ООН то ли покончил собой, то ли был устранён спецслужбами с Лубянки. После этого тело академика упокоилось в Кремлёвской стене, ну, а душа выпорхнула из стены и устремилась в небеса.

...Дятлов открыл глаза и встряхнул головой, чтобы отогнать подступающую дремоту. «Отдохнём на том свете» говорила его бабушка.

Ну, а пазл дебюта пока складывается так.

Фрумкин. Если он в этой партии король, то, безусловно, марьяжный. Хотя, пока ещё женат, но с женой, сам сказал, не живёт, а снимает где-то квартиру. Мотивы убийства? Есть достаточно. Учитывая, что конечным бенефициарием после ухода Корсаковой в лучший мир, остался он один, Фрумкин получил массу выгод.

Корсакова. В этой игре королева.

С давних пор имела какой-то крючок на Фрумкина, скорее всего, это какой-то «скелет в шкафу», связанный с начальным капиталом фирмы. Поэтому Фрумкин, хоть и король, но выгнать валета Топольского не мог. Что ещё? Судя по тому, как задвигались под столом ноги замдиректора «Эксим ЛТД» после вопроса о совместном с Корсаковой посещении сауны, королева имела марьяжные виды на короля. Иначе с мужчиной в сауну не ходят, взрослой женщине в таких вопросах не до баловства. Учитывая то, что «скелет в шкафу» был известен не только Фрумкину, а и Корсаковой – ещё одна костяшка на счётках перебрасывается в пользу версии того, что в сауне в тот вечер был Фрумкин. Он же и сыпанул ей в бокал смертельную дозу, а потом, зная о её проблемах с сердцем, пригласил в парную с веничком. А что делать, если нужно спасти фирму, ведь королева после всех этих любовно-рэкетных историй сделалась бешеная. А, может, и с помощью известного ей «скелета в шкафу» даже хотела осуществить свои марьяжные планы относительно Фрумкина, дело житейское.

Пиковая дама Антонюк.

Дятлов знал пока об этой игровой фигуре только то, что она наклоняется к стоящему на полу чайнику не сгибая в коленях ног. Кстати, немногие женщины, даже в юном возрасте, могут так сделать. Да и зачем – ведь много удобнее просто присесть на корточки. Знал и то, что пятая точка Антонюк, подобно параболической антенне станции наведения ракет, всегда направлена на цель, взятую на сопровождение. В данном случае это Фрумкин. То, что он не давал Корсаковой уволить секретаршу, говорит об успехе естественного дамского оружия мадам Антонюк. Могла ли она травануть Корсакову? А почему нет? Путь к марьяжному королю становится свободным, с его женой, похоже, тоже всё решено. Получается, что выгоды Вике от смерти Корсаковой не меньше, чем Фрумкину. Вот только как она оказалась в сауне? Ну, это ещё принц Гамлет знал как: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Скажем, взяла Корсакова эту Антонюк за душу после стычки на своём дне рождения, мол, пойдём, поговорим начистоту, девочка, как нам поделить Фрумкина. Ну, а, чтобы было удобнее, поговорим в сауне, под бутылочку испанского вина. А зачем тогда паке-тики «Серебряной Лисицы»?.. Опять же, слова Гамлета... Может, и было там что-то между двумя дамами, что и не снилось нашим мудрецам...

Валет Топольский.

Взят на службу Корсаковой взамен Славика и утраченных вместе с ним иллюзий. Впрочем, кажется, человек только тем и занимается, что всю жизнь утрачивает иллюзии. Не успел родиться, как вместо соска маминой груди новому человеку предлагают первую в его жизни иллюзию – резиновую соску. А потом и соску забирают. А дальше пошло и пошло. Сначала приобретение, а потом утрата. Что поделаться, человек любит приобретать новые иллюзии. Больше этого он, кажется, только любит оплакивать иллюзии утраченные... Вроде у этого Топольского какое-то там алиби. Явных причин укокошить Корсакову у него, правда, нет. Но простая шашка может вдруг иногда стать дамкой. А, если это всё-таки шахматная партия, то пешка может стать ферзём. Кто знает, что там написала Корсакова в своём завещании. И есть ли оно вообще.

Вот такой расклад в этой карточной колоде. Марьяжный король, две дамы, одна из которых мертва, и валет.

Но в покерной колоде всегда есть ещё и главная карта – джокер. Странно, почему на ней изображён смеющийся шут? Ведь смеются, когда кто-то сказал или сделал что-то смешное. Сам Дятлов, например, последний раз смеялся, когда смотрел видеоролик, где какой-то жирный мужик в мотоциклетном шлеме, став на четвереньки, бодался с бараном. Баран, хоть и был с виду намного более щуплым, чем мужик в шлеме, но не оставил жирному ни одного шанса.

Но джокер, кажется, не просто смеётся... Он посмеивается. А так делают только те, кто знает что-то такое, чего не знают остальные. А вот Корсакова, вполне возможно, и знает уже ответ на этот вопрос – почему смеётся джокер? Только она уже никому об этом не скажет. По крайней мере на этом свете.

Дятлов потянулся в кресле и вздохнул. Завтра вскрытие завещания у нотариуса, нужно будет послать Корзухина. Завтра... Поэтому нужно действовать прямо сегодня. Дятлов набрал номер Водянова.

– Николай Васильевич? – сказал он, услышав голос Водянова, – я хотел бы с вами поговорить. Да, да... Я принял решение. Но понадобится ваша помощь. Прямо сегодня. Да, сейчас.

Глава 11

«Постой, не уходи!»

Высокая женщина повернулась.

«Что здесь? Это мытарства? – спросила Корсакова, пытаясь разглядеть лицо ангела, едва различимое в тёмном кисельном мороке. – Здесь, в этом месте, мне предстоит мытарства, да?»

«Так говорят в церкви на проповедях, – усмехнулся ангел, – для того, чтобы людям было тяжелее грешить. По сути, мытарства – это всё равно, что бегать за преподавателем после проваленного экзамена и канючить поставить тройку. Нет, тут не мытарства».

«Так что... значит, в церкви говорили неправду? Не так, как оно есть на самом деле?»

«Как тебе сказать... Если бы там вдруг начали говорить, как оно есть на самом деле... – ангел озадаченно хмыкнул, – да у людей и слов-то таких нет. Ну, вот и говорят там на понятном людям языке. Ясно, что получается только модель... Ну, типа проекция на людское сознание того, что на самом деле есть бесконечно большее. Некоторые недалёкие люди выискивают в этой проекции противоречия. А как им не быть? Просто не нужно пытаться понять умом непознаваемое. Тогда от церкви большая помощь человеку может быть. Если бы одна евхаристия с исповедью осталась, уже помощь немалая».

«С исповедью?... А... можно мне исповедаться? Прямо сейчас?»

Ангел покачал головой.

«Ангелам не исповедаются. Но, даже, если бы это было и так, то здесь исповедь уже не имеет смысла».

«Не имеет? Почему?»

«Потому что здесь не происходит событий».

«Не происходит? Но... я же шла сюда? Вот к этому костру? Я встретила тебя... Разве это не события?»

«Да, шла. А ты устала?»

«Нет».

«А ты удивилась, когда встретила меня – ангела?»

«Нет».

«А огонь этого костра – он согрел тебя?»

«Нет. А почему он меня не согрел?»

«Потому что здесь не бывает холодно».

«А что здесь? Ну – что это? Что это за место?»

«Как бы это тебе сказать... – ангел, похоже, задумался. – Это другой слой Бытия. Здесь всё не так, как в том слое, который люди называют Реальностью. Там жизнь была похожа, не удивляйся... она была похожа на... план бухгалтерских счетов. С каждым событием в Реальности что-то всегда перебрасывается со счёта на счёт. А здесь нет».

«Почему?»

«Здесь нет времени. Поэтому здесь что-то вроде оборотно-сальдовой ведомости, – усмехнулся ангел. – Изменить в ней уже ничего нельзя, можно только посмотреть баланс по каждому счёту. В Реальности, где происходили события и текло время, можно было что-то менять. В своей жизни, в самом себе, в жизни окружающих. План счетов чутко реагировал на каждое событие. Человек подобрал замерзающего котёнка, а там, в плане уже сразу – щёлк, щёлк, и новые циферки в ведомости. В вагоне метро обездоленный человек протягивает руку за людским милосердием, а люди делают вид, что не замечают его. Казалось – чепуха, что там обращать внимание на какой-то генетический мусор... А циферки опять щёлк, щёлк... И вот уже новый баланс, новая ведомость. Там, в Реальности, каждому давался шанс составить свою оборотно-сальдовую ведомость. Хотя, он на самом деле вовсе и не шанс».

«А что?»

«Дар. Дар что-либо изменить, пока ведомость ещё не подписана и не утверждена».

«Ты сказала о милосердии... В церкви говорят, что милосердие нужно для того, чтобы попасть в Царствие Божие, да?»

Ангел печально покачал головой.

«Эта конструкция: „для того, чтобы“ – она обладает одним замечательным свойством – изменять суть всего того, к чему прикасается. Когда она прикасается к милосердию, то милосердие подменяется на „заботу о спасении своей души“. Это тоже хорошо, но это совсем разные счета».

«Ты сказала, что ты мой ангел-хранитель. Но ты не помогла тогда, в сауне... Почему?»

«Как тебе сказать... Ты хочешь знать причину. Но многие причины лежат за пределами вашей Реальности. И поэтому люди не воспринимают эти причины. У них нет для этого ни чувств, ни слов, ни образов, которыми можно было бы хоть как-то обозначить их суть. Если всё же попытаться... то это... как свиток, что ли. Ты живёшь, и он разворачивается. Вернее, наоборот – ты живёшь, потому что он разворачивается. А потом он кончается. На самом деле, конечно, всё не так».

«Ты всё же уходишь... – пробормотала Корсакова. – Мне жаль... Скажи, а почему ты так похожа на мою маму?»

«Да, мне пора. Мы заговорились. Почему похожа? Просто ты меня такой видишь, вот и всё. Обычно нас видят в образе самого родного человека. Для женщин это почти всегда их матери. А для мужчин их жёны. Странно, да? Сначала мужчины изменяют им, а потом видят их здесь, как своих ангелов. Представь себе – мне тоже грустно».

«Ангелы грустят? Вы знаете, что это такое?»

«Конечно, нет, – усмехнулся ангел. – Но потихоньку учимся... У вас, у людей».

Глава 12

– Заходите, Виктор Павлович, присаживайтесь, – сказал Водянов, протягивая Дятлову пухлую ладонь. – Ну, что вы решили относительно моего предложения?

Дятлов пожал плечами.

– Давайте попробуем, – сказал он. – Я могу рассчитывать на вашу помощь? В основном по организационным вопросам.

– Разумеется, – Водянов удивлённо приподнял брови. – А как может быть иначе? Теперь мы с вами одна команда. В одной лодке. Я беру это дело под личный контроль. Вам удалось что-то раскопать? У вас есть рабочая версия – кто отравил Корсакову?

– Ну, если коротко, – сказал Дятлов, то ситуация там такая. Корсакова и Фрумкин являются совладельцами фирмы. Некоторое время назад у Корсаковой был бурный роман с неким Воропаевым. Мутный тип, младше Корсаковой на четыре года. Она хотела сделать его своим компаньоном и заодно мужем. Но в последний момент Воропаев куда-то слинял.

– Что ж такого наш Фрумкин нашептал на ухо Воропаеву, что его как ветром сдуло? – мясистые губы Водянова растянулись ещё больше. – Видно что-то водилось за покойной, а?

– Сразу после этого какие-то бандиты вломилась в квартиру Корсаковой, – продолжил Дятлов. – Она как раз тогда провела ряд рискованных сделок и получила наличные.

– У нас что-то есть по этому делу? – спросил Водянов.

– Нет, она даже в полицию не заявляла. Вот после этого у неё и переклинило мозги. Опять пошли какие-то сделки, опасные для фирмы, какие-то тёрки с Фрумкиным – то ли она хотела его на себе женить, чтобы капиталы объединить, то ли наоборот, он хотел на ней жениться, чтобы фирму спасти. Во всяком случае, с женой Фрумкин с некоторых пор не живёт и снимает квартиру. Похоже на то, что Корсакова имела какой-то компромат на Фрумкина. У компаньонов такое часто случается. Практически всегда. Но странно там как-то всё...

– Странно? – спросил Водянов, – что конкретно? Что странного?

– Судите сами, – сказал Дятлов, – Одновременно с тем, что я сказал, Фрумкин держит ненавистную Корсаковой молодую секретаршу, которая, похоже, оказывает ему интимные услуги. В ответ на это Корсакова принимает на работу в качестве менеджера и личного водителя некоего Топольского, как две капли воды похожего на Воропаева. В день убийства между Корсаковой и секретаршей случилась потасовка.

– Вот как? – Водянов наклонил вбок голову, – женские бои в грязи с уравнильным весом девушек? И Фрумкин в качестве переходного кубка? А что это за секретарша, поподробнее?

– Виктория Антонюк, – сказал Дятлов. – Я с ней ещё не познакомился. С ней разговаривал Корзухин. Способный парнишка. Судя по всему, эта Антонюк особа непростая.

– Почему вы так считаете? – спросил Водянов.

– Потому что с красным дипломом мехмата университета.

– Да? Эге... – Водянов потёр пятернёй затылок. – Замужем?

– Вроде... Корзухину она сказала: «муж объелся груш».

Водянов задумался.

– Это ж что получается? – сказал он через некоторое время. – Если предположить, что бой-френд Корсаковой и эта секретарша тоже снюхались, что совершенно естественно, то... выходит, круг замыкается? Имеет место поголовное перекрёстное скрещивание офисного планктона? С учётом интересов?

– Ну, что-то типа этого, – пожал плечами Дятлов.

Водянов посмотрел на него и загнул мизинец, похожий на маленькую сардельку:

– Итак, что в сухом остатке? Секретарша-математик любит Топольского, ненавидит Корсакову и хочет замуж за Фрумкина, которому оказывает интимные услуги. Немолодой Фрумкин любит последней любовью юное математическое дарование и ненавидит молодого Топольского. Корсакова любит своего бой-френда, так похожего на негодяя Воропаева, ненавидит секретаршу и шантажирует Фрумкина, за которого тоже хочет замуж. Прямо любовь и ненависть! Есть такая книга, слышали?

– Нет, – Дятлов отрицательно помотал головой.

– У моей жены есть, – кивнул Водянов. – «Любовь и ненависть» писателя Гуго Карпентера. Коричневая такая. Она принесла её с собой, когда мы поженились двадцать пять лет назад, и читает её до сих пор. Подклеивает страницы скотчем, читает по ночам и, кажется, плачет. Однажды она сказала мне, что я хуже, чем дон Педро! Каково? Ест с моей руки двадцать пять лет, а я, оказывается, хуже дона Педро! Представляю, что за подлец, этот дон Педро! Я даже решил в книге посмотреть. Открыл на странице, где он говорит одной сеньорите, её Хуанита звали: «Вы не можете меня бросить, потому что я люблю вас!» Каков подлец, а?! В общем, я понял, Дятлов, тамошние распасы. Любили, ненавидели друг дружку и долюблились, что Корсакову нашу кто-то из них порешил.

Водянов откинулся на спинку кресла и стал опять загибать пальцы.

– Фрумкину выгода – фирма спасена, это раз. Жениться на Корсаковой не нужно – два. Если не будет наследников, а их у Корсаковой нет, то вся фирма, получается, только его – три. Ну, и не шантажирует никто – четыре. Да... Прямо целый пакет бонусов. Трудно удержаться, чтобы не сыпануть чего-нибудь в бокал компаньонке при таком раскладе... Смотрим дальше. Юному математическому дарованию выгода не меньшая – соперница упокоилась, бери Фрумкина голыми руками или там другими голыми местами. Там ещё жена у Фрумкина полуразведённая есть, да? Ей ведь тоже выгода прямая, не сбрасывайте её со счетов. Выходит, всем мешала Корсакова... Всем, кроме своего бой-френда Топольского. Вот он и есть тёмная лошадка... Такие иногда приходят к финишу первыми. И тогда многие на бегах срывают большой куш. В общем, я понял. Теперь я слушаю – чем я могу вам помочь, Виктор Павлович?

– На днях будет вскрытие завещания Корсаковой. У неё осталась большая квартира в доме старой постройки в центре города. Наследство от матери. Ну, и её права как соучредителя фирмы. Поэтому сейчас могут произойти самые разные события... с её долей в бизнесе. Я хотел бы посмотреть, что у неё там в компьютере. Только не в рабочем, она последнее время скрывала от Фрумкина свои сделки, а в домашнем. Но у неё квартира опечатана, плюс на охранной сигнализации.

– Как срочно это необходимо сделать? – спросил Водянов.

– Да хоть сегодня. Фрумкин может начать действовать уже завтра. Если уже не начал.

– Хорошо. Оформите ордер на обыск. Я подпишу наверху и договорюсь насчёт снятия охранной сигнализации на время обыска. Ключи от её квартиры есть?

– Да, они были в сумочке Корсаковой, – сказал Дятлов.

– Хорошо. Что ещё?

– Мне нужна распечатка трафика мобильного оператора по номеру Корсаковой. Восемнадцатого сентября. С семнадцати до двадцати одного часа. Входящие и исходящие звонки и СМС. Корзухин ходил туда с санкцией прокурора, но там нас втягивают в какую-то волокиту, в общем, не хотят давать. А это важно.

Водянов записал что-то в ежедневнике и сказал:

– Это сложнее. У них там свора юристов. Бездельники... Потребуется время. Если только кому-то прищемить там хвост... Я поговорю с ребятами из УБЭП². У них должно быть что-нибудь на них. Я понял.

² УБЭП – Управление по борьбе с экономическими преступлениями

Глава 13

Двухкомнатная квартира Корсаковой располагалась в большом каменном доме, стоящем в тихом переулке недалеко от центра. Дятлов припарковал во дворе свои вишнёвые «Жигули» и, проигнорировав устрашающего вида древний лифт, поднялся по лестнице на третий этаж. Всего в десяти минутах ходьбы бурлил своей круглосуточной жизнью Большой Город, а здесь было неестественно тихо. Войдя в квартиру Корсаковой, он плотно задёрнул шторы и включил свет.

Человеческая душа – потёмки. Но всё же, что-то можно разглядеть. И проще всего это сделать, побывав в жилище человека. Дятлову пришлось бывать в разных квартирах. Он видел богато обставленные дома, которые прямо с порога источали холодную ауру неустроенности. Видел и иные, скромные с виду, которые светились тихим уютом и спокойствием.

Квартира Корсаковой была аскетична. Мебель явно недешёвая, но создавалось впечатление, что она существует как-то сама по себе, будто завезена сюда временно, постоять до тех пор, пока её не заберёт владелец. Монументальная люстра, свисавшая с неестественно высокого потолка, усиливала это ощущение. Дятлов выключил люстру и включил торшер, стоявший возле антикварного дивана. Ну и люстра!.. Может быть это даже хрусталь... А, может, какое-нибудь венецианское стекло. Вообще в таких старинных каменных домах, находящихся в тихих переулках недалеко от центра Большого Города, любят селиться люди с деньгами. Естественно, после евроремонта, установки бронированных дверей, кондиционеров, пластиковых окон и прочих аксессуаров, служащих признаками того, что жизнь удалась.

А вон и компьютер. Большой плоский монитор, компактный лазерный принтер, рядом факс, за монитором огромный искусственный куст папоротника – рабочее место деловой женщины. Дятлов устало присел на старинный диван. Забрать компьютер он всегда успеет. Сейчас нужно присмотреться к деталям обстановки. Некоторые из них обладают удивительным свойством иногда вдруг приоткрывать завесу, за которой прячется душа обитателя жилища.

В первую очередь это, конечно, книги на полках.

У одних это собрания сочинений классиков мировой литературы, подобранные по цвету и строго выровненные по ранжиру. Рядом с такими книгами становишься чище. Так считал Васисуалий Лоханкин. А почему бы и нет? Очень даже может быть. По крайней мере, после пожара Васисуалий спас из огня именно книгу, с которой, завернутый в белое марсельское одеяло, и пошёл к бывшей жене.

На других полках можно увидеть разнокалиберные книжки совершенно случайной направленности, потрёпанные от частого перечитывания и расположенные как попало. На таких полках не бывает солидных книг с экслибрисами, томов собраний сочинений, книжных серий или подарочных изданий. Хозяева этих книг не стоят в задумчивости рядом с ними и не рассматривают золочёные корешки. Эти книги они просто читают. Кого-то они делают умнее, кого-то добрее, кого-то просто развлекают или пугают перед сном. Но это всё не главное. Главное то, что книга, написанная талантливым автором, наполняет читающего её человека жизнью. Конечно же, жизнью виртуальной, не той, которая за окном. И в этом то и вся суть, весь фокус, вся загогулина, как говорил нетрезвый Ельцин.

Увы, по-видимому, Корсакова не принадлежала ни к первой, ни ко второй группе. На полке, висевшей над диваном, было всего несколько книг. Дятлов взял наугад одну из них, самую зачитанную. Это был томик Чейза с двумя романами: "Весь мир в кармане" и "Венок из лотоса". В общем, не совсем женское чтение. Скорее, совсем не женское. Дятлов читал оба этих романа. Конечно, у Чейза не все вещи одинаково сильные, есть и откровенно беспомощные. Да и издана эта книга была в начале лихих девяностых, все гнались тогда за быстрой прибылью, в том числе и переводчики, которые особо не заморачивались тем, как Чейз звучал

после их перевода. Но эти два романа были одними из лучших. И они были очень похожи, каким-то неуловимо тонким духом изначальной обречённости судеб главных героев. Особенно это чувствовалось в «Венке из лотоса».

Дятлов перевернул несколько страниц. Почему “Венок из лотоса”? У О’Генри лотос – это символ забвения в банановой Анчурии. В “Венке из лотоса” действие происходит во Вьетнаме шестидесятых. Может быть, Чейз тоже имел в виду забвение?.. Помнится, там был американец и юная вьетнамка. Как её звали? Дятлов перевернул ещё несколько страниц. Вот, Нхан. Танцовщица в сайгонском дансинг-клубе. В их любви с самого начала, когда ещё ничего не предвещало беды, всё время мелькал лик этой обречённости.

Как будто не положено людям ни там, ни здесь счастья, как будто это что-то запрещённое, греховное, за что обязательно придётся расплачиваться... В «Венке из лотоса» этой парочке счастье должны были принести бриллианты. Чужие, не принадлежащие им. Ах ты... Всё точно так, как у Волкового со Свиридовой. И почему-то в таких обречённых парах женщина всегда очень красива. У Чейза вьетнамская девушка Нхан, а в его жизни Марина. Такая разная красота. А обречённость одинаковая...

Нхан протянула руки к неполюженному ей счастью. И Марина с Сашей тоже. И все сполна получили своё. С той только разницей, что распятую на столе Нхан запытал до смерти вьетнамский полицейский, Волковой получил пулю между лопаток, а Марина прямо под сердце. Это расплывающееся чёрное пятно на её свитере он, кажется, будет помнить до конца своих дней. Да и сам Дятлов тогда вывернулся из этой истории по счастливой случайности. Почему Тимур тогда не пристрелил его? Если бы мёртвая Марина не сбросила сумочку с алмазом сквозь ограждение моста, обязательно пристрелил бы. А так... Есть алмаз – есть проблемы, нет алмаза – нет проблемы. Совсем, как в приписываемой Сталину максиме: “Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы”.

Можно только представить себе, как бесппроблемно было на Земле до появления на ней людей. Но скучновато. Поэтому и появилось в Эдеме дерево познания Добра и Зла. И вот с тех пор надкусанное яблочко катится по всему миру, расцвечивая его нескучными красками Зла и Добра.

Дятлов закрыл том Чейза и поставил его на полку. Судя по состоянию книги, Корсакова перечитывала эти два романа не один раз. Интересно – почему? Говорят, что в беллетристике существует всего шесть оригинальных сюжетов. Может быть, и в жизни их всего шесть? А то и меньше? И Корсакова просто разыграла нехитрый сюжет под каким-то там порядковым номером, когда тоже протянула свои руки к неполюженному ей счастью?

Дятлов взял с полки магнитоу. Допотопная «Aiwa». Когда-то это был престижный аксессуар обстановки, а ныне просто устаревший раритет. Он нажал клавишу, и Лара Фабиан запела “Je t’aime”.

Ну, что ж, вкус у покойной был. Всё в одну лузу... “Je t’aime”. Не песня, а какой-то сплошной надрыв. Недаром весь зал с зажжёнными зажигалками и интернет полный слухами, что у Лары умер то ли муж, то ли жених. Дятлов выключил магнитоу и, закрыв глаза, откинулся на мягкую спинку дивана.

В этот момент он вдруг услышал какой-то звук. Прислушавшись, он понял, что кто-то пытается открыть замок. Выключив торшер, Дятлов стал за вешалкой около входной двери. В этот момент он пожалел, что следователям не положено табельное оружие для постоянного ношения. Хотя, вряд ли оно помогло бы, если это неуспокоенный дух хозяйки этой квартиры пришёл поинтересоваться, а чего это Дятлов тут расселся на её диване и слушает её магнитоу?

Ключ несколько раз провернулся в замочной скважине, и дверь с чуть слышным скрипом отворилась. Свет, проникший из коридора, на мгновение выхватил из темноты очертания долговязой фигуры, после чего входная дверь закрылась, и всё вновь погрузилось в темноту. Дятлову показалось, что он слышит рядом чьё-то прерывистое дыхание.

«А приведения дышат?» – подумал он, – «кажется, нет...»

Через некоторое время в комнате послышались осторожные шаги, и вспыхнул луч фонарика. Дятлов облегчённо вздохнул. По крайней мере, фонариками призраки точно не пользуются. Подсвечивая себе, визитёр побродил по комнате, а потом опустился в кресло, стоящее у стола.

В этот момент Дятлов щёлкнул выключателем люстры и заорал:

– Руки вверх!!!

Сидевший в кресле человек подскочил. Скорее, даже, не подскочил, а его, вопреки всем законам кинематики, просто подбросило с поднятыми руками вверх. Всё выглядело так, как будто под ним сработала мощная пружина, вмонтированная в сиденье. Плюхнувшись обратно в кресло, человек схватился за сердце и повернул к вышедшему из своего укрытия Дятлову побелевшее лицо.

– Борис Фрумкин? – произнёс Дятлов голосом Терминатора, когда тот спрашивал: “Сара Коннор?”

– Д... да, – Фрумкин быстро кивнул несколько раз, затравленно глядя на Дятлова. – А... что вы здесь делаете?..

– Я нахожусь здесь по долгу службы. А вот что вы тут делаете?

– Я? – Фрумкин, казалось, был искренне удивлён этим вопросом. – Я... пришёл сюда...

– Вот как? Пришли? Очень интересно!.. А какое право вы имели срывать печать на входной двери?

– Так... она же, ну... Вы же уже были здесь?

– Откуда у вас ключи от квартиры Корсаковой? – спросил Дятлов.

– Она мне их дала... Да тут полно моих вещей... Вы можете посмотреть. Хотя бы в ванной. В шкафу...

– Вы что – жили здесь?

– Ну... Эпизодически... А что, это запрещено?

– Я ещё раз спрашиваю – что вы сейчас собирались тут делать?

– Я? – Фрумкин удивлённо пожал плечами, – ничего...

– Несанкционированное проникновение в опечатанное следствием жилище – это не шутка, гражданин Фрумкин... Сейчас вы поедете со мной. Я задерживаю вас с дальнейшим помещением в изолятор временного содержания.

– Минутку, – Фрумкин, казалось, уже полностью пришёл в себя. – А у вас есть ордер на обыск в этой квартире?

Дятлов усмехнулся. Быстро этот тип восстановился.

– Конечно, – он вытащил из кармана куртки ордер и показал его Фрумкину. – Вот.

– А понятые? Где понятые? – прищурившись, спросил Фрумкин.

– На подходе, – сказал Дятлов и вытащил мобильный телефон. – Алло, Корзухин? Я на обыске в квартире Корсаковой. Задержал тут Фрумкина. Да... да, он со мной тут. Быстро привези сюда понятых, подойди к дежурному, он даст, скажи, я прошу. Да, да... И машину, чтобы Фрумкина забрать. Ну, да, прямо в ИВС.

В комнате повисла тягостная тишина. Некоторое время Фрумкин размышлял, а потом, видимо, принял какое-то решение:

– Не надо понятых, – сказал он. – Скажите своему Корзухину... Ну, отмените. Я хочу вам кое-что сказать.

Дятлов вновь нажал на кнопку мобилки.

– Корзухин? Ты всё там подготовь, но пока сюда не езжай. Жди команды. Всё.

Фрумкин встал с кресла и подошёл к бару.

– Вы знаете... У меня чуть сердце не выпрыгнуло... Зачем вы так... “Руки вверх”... – он пожал плечами, доставая бутылку коньяка. – Вы разрешите?

Дятлов откинулся на спинку дивана и махнул рукой. Фрумкин плеснул себе из бутылки на дно пузатого бокала.

– Я... – Фрумкин замялся, – понимаете... разговор будет не таким коротким. И, возможно, он вам покажется странным... Неожиданным... Может, выпьете со мной?

Дятлов заколебался. Конечно, выпивать с подследственным, которого только что он хотел закрыть в ИВС, полный идиотизм. К тому же, может, это Фрумкин и подсыпал порошка в бокал Корсаковой. Очнуться не успеешь, как тебе самому будут мерить температуру в прямой кишке. Скорее всего, всё тот же Анзюлис. А с другой стороны, этот тип что-то хочет рассказать. Тут, наоборот, как раз не помешает сократить дистанцию. А что для двоих мужчин может более органично сократить дистанцию, чем совместное распитие алкоголя?

– Наливайте, – махнул рукой Дятлов.

Фрумкин достал из бара ещё один бокал и плеснул на его доньшко коньяка.

– Вы знаете, – сказал Фрумкин, протягивая Дятлову бокал и усаживаясь напротив него в кресло, – я бы никогда не стал вам этого говорить, если бы... Хм... Вы понимаете, занятие бизнесом на протяжении многих лет развивает... как бы это сказать... ну, ты или видишь человека, что он из себя представляет... Или у тебя ничего не получится в бизнесе. Есть такая связь. Я не хочу говорить вам комплименты, вы не дама, но, думаю, вы поймёте... о чём я сейчас скажу.

Фрумкин сжал двумя ладонями бокал и заглянул внутрь его, как будто ожидал там увидеть ответ на мучавшие его сомнения. Выпив мелкими глотками коньяк, он поставил бокал на столик и вытащил мобильник. Поддев ногтём крышку, он сдвинул её и извлёк аккумулятор.

– Я вам уже говорил, – вздохнул он, положив аккумулятор и мобильник рядом с пустым бокалом, – Ирина всегда была такой здравомыслящей, уравновешенной... Была... Но только до этой истории со Славиком... С Воропаевым. Сначала влюбилась, как гимназистка. И в кого... Потом жить не хотела. Впрочем, это не такая уж большая редкость. После этого что-то в ней надломилось. Она стала... неадекватной. С ней стало невозможно работать. Простите...

Фрумкин встал с кресла и, подойдя к бару, налил себе ещё коньяка.

– Я это вам уже рассказывал, – продолжил он, сев в кресло. – С этого же всё и началось... Раньше у нас с Ириной был один криптоключ и пароль к управлению расчётным счётом фирмы. Потом, когда она начала чудить, я был вынужден разделить их на два. У меня и у неё стали разные криптоключи... Когда нужно было провести деньги, мы сидели у компьютера, каждый со своей флешкой... Это была уже не работа, нет... Компаньоны так не работают. А после того налёта, когда бандиты избili Ирину, она вовсе слетела с катушек. В общем... Недавно она взяла крупный кредит в банке. Под залог своей квартиры. Это немалые деньги. Вы сейчас увидите сколько.

Фрумкин вытащил блокнот и что-то написал на листке.

– Пусть это побудет у вас, – сказал он, протянув листок Дятлову. – Я потом скажу зачем. Вот... Сейчас сложилась исключительная ситуация... Понимаете, исключительная...

Фрумкин встал и с бокалом в руке стал ходить по комнате. Потом он резко опустился в кресло и посмотрел Дятлову в глаза.

– Эти деньги... Они сейчас... Они ничьи. Понимаете – ничьи!!!

– Не понимаю, – сказал Дятлов, – как это – ничьи? Как такое может быть?

– Бывает. Редко, но бывает. До смерти Ирины они принадлежали ей. Но у неё не осталось наследников! Понимаете? Никаких! Ни близких, ни дальних. Вообще никаких! Если завещания не окажется, то банк вернёт свой кредит, благо там проценты ещё не набежали. А квартиру заберёт государство. Потом там, в горадминистрации, откусят свой кусок, какой смогут проглотить, ещё один чиновник съездит с женой и детьми на Мальдивы, кто-то прикупит машину, кто-то отремонтирует дачу. И всё.

– А, если завешание есть? – спросил Дятлов.

– Тогда всё получит наследник. А там может быть что угодно! Ещё раз – Ирина последнее время была неадекватной, понимаете? Она могла завещать всё кому угодно, хоть секте адвентистов-трясунов, хоть общественному фонду борьбы за мир во всём мире!

– В таких случаях, – сказал Дятлов, – часто завещают имущество какому-нибудь монастырю.

– Совершенно верно! – сказал Фрумкин, – монастырю! Пойдите как-нибудь в наш Большой Монастырь и посмотрите, как выезжают из ворот архиереи на мерседесах, а у ворот тут же стоят монахи с ящичками для подаяний и обездоленные люди с явными признаками инвалидности. Евангельская притча о верблюде и Игольном Ушке ведь предназначена только для простых прихожан, для властей есть свои притчи, совсем другие. Ну, купят там ещё один мерс. И скажут, что его им подарили. Кстати, будут правы.

– Ну, хорошо, дальше. К чему вы всё это говорите? – спросил Дятлов.

– К чему? – Фрумкин наклонился вперёд и сказал свистящим шёпотом: – Я спрячу эти деньги! Так, что никто не найдёт концов! Если вы не будете мне мешать и чуть-чуть поможете, половина этих денег – ваша! Вы поняли? Ваша!!! Я, так понимаю, вам вот-вот на пенсию? А знаете, что происходит с людьми, которые выходят на пенсию и начинают бездельничать? Организм – сложная штука, во многом мистическая... Так вот – откуда-то этот организм знает, нужен он ещё кому-то или он уже отработанный материал. И, если организм приходит к выводу, что он никому не нужен, то тут же запускается программа его смерти. По-сути, это просто приостановка и отключение программы регенерации, после этого остальное всё пойдёт своим чередом – старческий маразм, дряхление, ну, и запуск более действенных программ освобождения жизненного пространства от отработанного материала. Соглашайтесь, Виктор Павлович! Вы сможете открыть своё дело, хотите автомойку, хотите частное сыскное бюро. Будете кому-то полезны – доживёте в физическом и умственном здравии до глубокой старости.

– Эка... – пробормотал Дятлов, – вы случаем пропагандистом в обществе "Знание" не работали? Кстати, а где вы работали до того, как занялись бизнесом?

– В одном закрытом НИИ. Биологического профиля. Так что можете мне верить. На клеточном уровне это явление хорошо изучено и называется апоптоз. Генетически запрограммированная смерть клетки. На уровне организма всё то же самое.

– Какой ужас... – пробормотал Дятлов. – Вы хотите сказать, что, если я не приму вашего предложения, то меня ожидает апоптоз? Как страшно жить...

– Именно так. То, что я вам предложил, это не что иное, как подарок судьбы. Вам ничего не нужно делать. Только не мешать мне и чуть-чуть помочь, я уже говорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.